

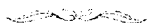

ДЖ.Р.Мид

АПОЛЛОНИЙ ТИАНСКИЙ

«СФЕРА»

Дж.Р.С.Мид

АПОЛЛОНИЙ ТИАНСКИЙ

ФИЛОСОФ-РЕФОРМАТОР
ПЕРВОГО СТОЛЕТИЯ
НАШЕЙ ЭРЫ

«Сфера»
Москва 2001

ББК 87.3
М 57

Перевод
Юлия Быстрова
Художник
Леонид Большаков

М 57 **Дж.Р.С.Мида**
АПОЛЛОНИЙ ТИАНСКИЙ. — М.:
ИДЛи, 2001. — 224 с.

В работе Дж.Р.С.Мида — известного ученого, бакалавра гуманитарных наук, помощника Е.П.Блаватской, содержится наиболее беспристрастное и доброжелательное повествование о жизни и деятельности известного и загадочного философа, чудотворца Аполлония Тианского.

Автор анализирует достоинства труда Филострата «Жизнь Аполлония Тианского», суммирует значение различных сообщений, дошедших до нас с древнейших времен, и приводит максимум библиографических сведений. Книга хорошо документирована, изложена ясным языком и дает читателю исчерпывающее представление об эпохе, в которую жил Аполлоний.

ISBN 5-93975-039-7

© ИДЛи, 2001.

ОТ РЕДАКЦИИ

Аполлоний Тианский — замечательный философ, родившийся в Каппадокии приблизительно в начале первого столетия. Ревностный пифагореец, изучивший финикийские науки под руководством Евтидема и пифагорейскую философию и другие учения — у Евксена из Гераклеи, он (согласно принципам этой школы) оставался вегетарианцем всю свою долгую жизнь, питался лишь фруктами и растениями, не пил вина, носил одежду исключительно из волокон растений, ходил босым и позволял бороде и волосам расти беспрепятственно — как все посвященные до и после него.

Личность Аполлония Тианского, жившего в одно время с Христом Иисусом, предстает в самом удивительном свете. Как философ-неопифагореец, софист, путешествовавший из страны в страну, он своими речами оказывал мощное воздействие на сознание слушателей.

Аполлоний слыл также магом и провидцем, и ему, подобно Христу, приписывали божественное происхождение.

Он не оставил после себя собственного религиозно-нравственного учения, по выражению Д.И.Писарева, он был учителем «практической нравственности».

Он был посвящен жрецами храма Эскулапа (Асклепия) в Эгее и научился многим «чудесам» в исцелении больных, совершаемым богом медицины. Подготовив себя к более высокому посвящению пятилетним молчанием и странствиями, посетив Антиохию, Эфес, Памфилию и другие места, он через Вавилон отправился в Индию; и все его близкие ученики оставили его, так как боялись идти в «страну чар». Только случайный ученик Дамид, которого он встретил в пути, сопровождал его в путешествиях. В Вавилоне он был посвящен халдеями и магами — согласно Дамиду, рассказ которого спустя сто лет переписал некий Филострат. По возвращении из Индии, он показал себя истинным посвященным, ибо эпидемии и землетрясения, смерти правителей и другие события, им предсказанные, полностью сбывались.

«Как это понять, — спрашивает с тревогой Юстин Мученик, — как понять, что талисма-

ны (*telesmata*) Аполлония имеют силу, ибо они предохраняют, как мы видим, от ярости волн, злобы ветра и нападения диких зверей; и в то время как чудеса нашего Господа сохраняются лишь в преданиях, чудеса Аполлония весьма многочисленны и подлинно проявляются в теперешних событиях?..» («Quecst.», XXIV).

Он много путешествовал, проявляя себя в качестве законодателя, он понимал все языки, даже не изучая их специально. Он мог узнавать о вещах на расстоянии. Он понимал язык птиц; он запретил танцы и развлечения подобного рода. Он рекомендовал милосердие и благочестие. Он посетил почти все страны мира и умер в преклонном возрасте.

«Был ли среди людей, — говорит римский историк Вописк, — человек более безупречный, более чтимый, более значительный и более божественный? Умершим он возвращал жизнь; он сделал и сказал многое такое, что не в силах сделать и сказать люди. Кто хочет узнать об этом, пусть прочтет греческие книги, в которых описана его жизнь». Сейчас нам нет необходимости прибегать к этому совету: мы можем быть вполне удовлетворенными тщательной работой Мида, подробно изучившего все печатные источники, сопоставившего сведения, содержащиеся в них, вниматель-

но исследовавшего все известные факты из биографии Аполлония Тианского, написанной его учеником Дамидом и спустя век переведенной и дополненной Флавием Филостратом, и данные из других, подчас таинственных, источников.

В работе Мида, помимо описания биографии философа, его чудес и путешествий, содержатся такие важные для понимания жизни и деятельности Аполлония сведения, как религиозные объединения и общины времен начала христианства, мнения современников об Аполлонии, окружение философа.

Величайшие учителя богословия соглашались, что почти все древние книги написаны символическим языком, понятным только посвященным. Примером этому может служить биографический очерк об Аполлонии Тианском.

КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ Дж.Р.С.Мида,
БАКАЛАВРА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК, ЧЛЕНА КОРОЛЕВ-
СКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, ПОСВЯЩЕНО ЕДИНСТВЕННО-
МУ СУЩЕСТВУЮЩЕМУ СОЧИНЕНИЮ ОБ АПОЛЛОНИИ
ТИАНСКОМ. АВТОРОМ РАССМАТРИВАЮТСЯ МНОГИЕ
СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ЕГО ЖИЗНИ,
ФИЛОСОФИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕЛИГИОЗНЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЯХ И БРАТСТВАХ ТОГО ВРЕМЕНИ, А
ТАКЖЕ О ВОЗМОЖНОМ ВЛИЯНИИ ИНДИЙСКОЙ РЕЛИ-
ГИОЗНОЙ МЫСЛИ НА ГРЕЦИЮ.

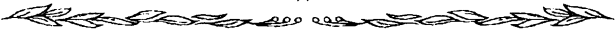
Аполлоний из Тианы
(Из книги «История Пророчеств»)

• ЧАСТЬ I •
ВВЕДЕНИЕ

В изучении истории христианства, его происхождения и становления, по всей видимости, нет более интересного периода, чем первое столетие нашей эры, но из дошедших до нас сведений о том времени далеко немногие имеют определенный и достоверный характер. Остается только сожалеть о том, что ни один нехристианский писатель первого столетия не обладал достаточной интуицией, чтобы записать хотя бы строчку информации о зарождении и развитии учения, которому суждено было стать религией западного мира. В равной степени разочаровывает и тот факт, что мы

практически не имеем действительной информации об общей социальной и религиозной обстановке той эпохи. Похоже, что главный интерес для историографов последующего столетия представляла область политической истории: войны и судьбы правителей Римской империи. Общественная деятельность императоров в определенной степени известна, ибо ее можно проследить по записям и надписям. Когда же мы касаемся сферы их личных мотиваций и побуждений, то оказываемся уже не в контексте истории, но главным образом в атмосфере предвзятых мнений, скандалов и спекуляций. Правда, политическая деятельность императоров и их чиновников может в лучшем случае пролить лишь немного света на социальную обстановку в целом, религиозной сферы она не освещает вовсе, за исключением тех случаев, когда последняя каким-либо образом не соприкасается с политикой, как таковой. Пытаться восстановить картину религиозной жизни первого столетия по императорским законам и рескриптам было бы все

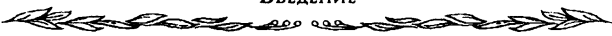
равно что стараться получить какое-нибудь представление о традиционной религии нашей страны по сводам законов или по отчетам о дебатах в парламенте.

Что же касается фактов в учебниках римской истории, к которым мы настолько привыкли, то и они не помогут нам воссоздать той обстановки, в которой, с одной стороны, Павел устанавливал новую веру в Малой Азии, Греции и Риме, а с другой, — эта вера уже достигла районов на юго-восточном побережье Средиземного моря. И лишь усердно воссоединяя обрывочные крупицы информации, а также фрагменты надписей, мы узнаем о существовании в тот период отдельных религиозных объединений и тайных культов. Сведения же о том, что происходило в этих объединениях, гильдиях и братствах, в большей части нехристианских на тот момент, крайне скудны.

Это поле тяжело возделывать, но оно чрезвычайно интересно. Стоит отметить, что до сих пор на нем было проделано сравнительно мало работы и что в основном сделанное — недоступно читателю.

В библиографическом списке, прилагаемом к исследованию, перечислены книги и статьи, касающиеся данного вопроса и в определенной степени освещающие жизнь религиозных объединений греков и римлян. В контексте сказанного высвечивается еще одна проблема: трудов, посвященных данному предмету, немного, и из них мы мало что можем узнать из того, что не относится (или предположительно не относится) непосредственно к христианству. В то время как в данном случае мы жаждем получить информацию именно о состоянии нехристианского религиозного мира.

Если, к примеру, читатель обратится к трудам по общей истории, таким, как «История римлян времен Империи» Мери-вейла (Лондон, 1865), то в IV главе он сможет прочитать о состоянии религии вплоть до последних дней Нерона (но он поступит мудро, если не сделает серьезных выводов). Если же он обратится к труду Германа Шиллера «Geshichte der romischen Kaiserreichs unter der Regierung des Nero»

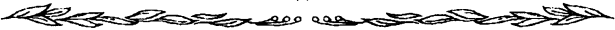
(Берлин, 1872), то скорее всего усомнится в широко распространенном мнении относительно чудовищных преступлений, приписываемых Нерону. В то время как изначально он мог в них верить, прочитав статью Дж.Х.Льюиса «Был ли Нерон чудовищем?» («Cornhill Magazine», July, 1863). Далее из труда Шиллера, он может получить общее представление о религии и философии того периода, основываясь на описании главы 3 в книге IV, более достоверном, чем у Меривейла. И тем не менее все эти сведения можно будет назвать расплывчатыми и неудовлетворительными, малой долей сопричастными с личной жизнью философов и религиозных деятелей первого столетия.

Относительно современных исследователей истории церкви, занимающихся обозначенным вопросом, стоит отметить, что они всецело заняты изучением контактов Христианской церкви с Римской империей и выдают лишь случайную информацию того характера, что нас интересует. В этом плане примечательно исследование

Ц.Й.Нойманна «Der romische Staat und die allgemeine Kirche bis auf Diocletian» (Лейпциг, 1890). Интересны и некоторые предположения профессора У.Э.Рамсея в книге «Римская империя до 170 года н.э.». Последний поступает весьма необычно: он толкует римскую историю на основе текстов Нового Завета, достоверность многих дат которого так горячо оспаривается.

Вы скажете: но какое отношение все это имеет к Аполлонию Тианскому? Ответ прост: он осуществлял свою деятельность среди религиозных объединений, братств и гильдий, прямо или косвенно упоминаемых в перечисленных трудах. Знакомство с ними, с атмосферой их существования в какой-то степени поможет воссоздать картину той среды, в которой он провел большую часть своей жизни; а информация об их воззрениях и определенном статусе в обществе, вероятно, раскроет и некоторые из движущих философom побуждений.

Жизнь и деятельность Аполлония практически не исследованы, и тому есть объяс-

нение. Одна из причин следующая: начиная с четвертого века, почти никто не относился к тианйцу доброжелательно, более того, многие объявляли философа шарлатаном и даже антихристом. Поэтому знакомство с религиозными объединениями, существовавшими в период жизни Аполлония, может пролить свет на ранний этап развития христианства не только в отношении общин, создаваемых Павлом, но и в отношении тех школ, которые впоследствии были осуждены как еретические.

В рамках сказанного остается поразительным тот факт, что и в этом направлении до сих пор не было сделано достаточной работы. Правда, в какой-то мере отсутствие подобной информации объясняется тем, что она недоступна. И все же нужно приложить еще большие усилия в изучении этого вопроса, а результаты исследований по отдельным направлениям в малоизученных областях истории необходимо воссоединить. Возможно, тогда читатель сможет получить некоторое достоверное представление о становлении хри-

стианства. И надеемся, он будет менее склонен к стереотипному осуждению всех неиудаистских и нехристианских течений в Римской империи первого столетия.

Хотя, в свою очередь, читатель может возразить: если сам Аполлоний большую часть своей жизни потратил на попытки реформировать религиозные и общественные институты Империи, то, должно быть, они того требовали? На это мы ответим так: несомненно, многое нужно было реформировать, ибо надобность в реформах определенных институтов общества существует во все времена. Но с нашей стороны было бы не только неблагородно, но и вредно судить собратьев тех дней, примеряя к ним идеальную мораль, и тем более противопоставляя им наши собственные предполагаемые добродетели и знания. По всей видимости, необходимость в реформах была, но ее проведение вряд ли может объясняться современными и беспристрастными обвинениями того общества в порочности. Напротив, если бы среди тех людей не было благодатной почвы,

как могло бы тогда зародиться христианство?

Римская империя пребывала в зените своей мощи. А это означает, что в правящей касте было много превосходных администраторов и достойных людей, иначе такого политического совершенства никогда бы не удалось ни достичь, ни поддерживать. Более того, как и прежде, в древнем мире была гарантирована свобода вероисповедания. Дошедшие же до нас сведения о существовавших гонениях при правлении Нерона и Домициана скорее можно истолковать политическими, а не теологическими причинами. Будет более правильным оставить спорный вопрос о гонениях на христиан при Домициане и уточнить, что гонения Нерона были направлены на тех, кого власти считали еврейскими политическими революционерами. Да, известны факты, что при названных императорах философов бросали в заточение или изгоняли из Рима, но это происходило не из-за того, что последние были философами, а потому, что идеалом некоторых из них было

восстановление республики. В этой связи их обвиняли не только в принадлежности к политической оппозиции, но и в активной заговорщической деятельности против императорского авторитета. Аполлоний же всегда был горячим приверженцем монархического правления. Стало быть, когда мы слышим о философах, изгнанных из Рима или брошенных в тюрьму, мы должны помнить, что эти гонения на философию в Империи не были массовыми. Когда же мы говорим, что некоторые из философов мечтали восстановить Республику, мы должны подразумевать, что подавляющее большинство из них сторонилось политики, и особенно это касается учеников религиозно-философских школ.

• Часть II •

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ОБЩИНЫ ПЕРВОГО СТОЛЕТИЯ

Государственные культы и национальные институты Империи первого столетия действительно требовали реформ, и следует заметить, что Аполлоний отдал много времени и сил тому, чтобы возродить и очистить их. На тот момент они практически утратили свою силу, многое в религиозном укладе стало поверхностным. Но это вовсе не значит, что религиозной жизни в стране не было: соразмерно тому, как официальные культовые и родовые инсти-

туты не приносили людям настоящего удовлетворения в религиозных чувствах, народ все ревностнее предавался тайным культам, погружаясь в тот поток религиозного энтузиазма, который с неослабевающей силой тек с Востока. Бесспорно, при таком брожении случалось много крайностей, если судить по нынешним представлениям о религиозном этикете. И тем не менее, исключая из религиозного процесса откровенно порочные культы, можно увидеть, что в народных кругах было широко распространено то, что при окончательном анализе похоже на феномен религиозного исступления. Подобный феномен мы наблюдаем в наши дни среди таких сект, как шейкеры и рантеры, а также на общих собраниях непосвященных у «возрожденцев».

Но не стоит думать, что тайные культы, а также деятельность религиозных объединений в целом имели исключительно такой характер или были ограничены рамками социального класса, вовсе нет. В Империи были религиозные братства, об-

щины и клубы — *thiasi, erani* и *orgeones* — различных типов и для всех возможных сословий. К тому же существовали общества взаимопомощи, традиционные компании, собирающиеся за обеденным столом, похоронные клубы — прототипы наших нынешних масонских лож, тайных братств и прочее. Эти религиозные общества были тайными не только в том смысле, что их не поддерживало государство, но главным образом потому, что их внутренняя деятельность держалась в тайне. Вероятно, сегодня это главная причина отсутствия сведений о них.

К таким организациям следует причислять не только низшие формы различных культов-мистерий, но и высшие, такие, как мистерии Изиды, фригийские, вакхические, митрийские мистерии, которые были распространены по всей Империи. Примечателен тот факт, что, например, знаменитые Элевсинии, будучи культовым государственным институтом, по своему религиозному укладу и традициям были менее глубокими, чем многие другие.

Кроме того, не следует думать, что упомянутые высшие формы мистерий были единообразны внутри самих себя. Как правило, они подразделялись на различные ступени и ранги, которые, в свою очередь, имели несколько форм каждой традиции — добрую, злую и нейтральную. Например, мы знаем, что для респектабельного гражданина Афин *de rigueur* означало быть посвященным в Элевсинские мистерии, и, следовательно, испытания не могли быть слишком строгими. В то время как самая последняя работа по обрядам посвящения, «*De Apuleio Isiacorum Mysteriorum Teste*» доктора К.Х.Э. Де Йонга (Лейден, 1900), показывает, что в одной из форм мистерий Изиды кандидата приглашали на инициацию с помощью сновидений; иначе говоря, в момент посвящения он должен был быть психически невосприимчивым.

Здесь, следовательно, мы имеем обширную промежуточную область религиозных проявлений между наиболее популярными и неорганизованными формами тайных культов и их высшими формами, к которым

можно было приблизиться лишь посредством дисциплины и определенной философской подготовки. На самой высокой ступени этих тайных институтов стояли самые достойные люди Империи, многим из которых воздавали хвалу величайшие мыслители Греции и Рима. Здесь, как уже отмечалось, посвященные находили такое удовлетворение своим религиозным чувствам, которое им было необходимо. Среди них были и те, кто поднялся в высокую сферу чистого разума, и те, кто не смог достичь в этом смысле определенных вершин. Официальные культы, как известно, были не способны раскрыть такие горизонты, и посвященные терпели их в качестве средства сохранения традиционного уклада жизни города или государства.

По общему согласию наиболее добродетельные люди Греции, как мужчины, так и женщины, являлись членами пифагорейских школ. После смерти основателя пифагорейцы, похоже, постепенно смешались с орфическими общинами и понятие «орфическая жизнь» стало общепризнанным

символом жизни в чистоте и самоотречении. Мы также знаем, что орфики и, следовательно, пифагорейцы принимали активное участие в реформации, возможно, и в полном реформировании вакхических и элевсинских ритуалов. Похоже, они вернули вакхическому культу его чистое начало, вновь установив, или возродив, иакхические мистерии. Совершенно очевидно, что столь непреклонные люди и глубокие мыслители не могли довольствоваться низшей формой культа. Их влияние повсеместно распространилось и в вакхических кругах. Вероятно, поэтому Еврипид вкладывает в уста хора вакхических посвященных следующие слова: «Одетый в белые одежды, я спешу от бытия смертных людей и никогда не приближусь к вазе смерти, ибо вкусил пищи, таящейся в душе»¹. Такое можно было услышать от брахманического или буддийского аскета, жаждущих разорвать узы сансары. Поэтому было бы несправедливо смешивать подобных лю-

¹ «Критяне». См. Лобек. Аглаофам.

дей с непристойными гуляками — именно так обычно представляют вакхическую компанию.

Если кто-то возразит и скажет, что Еврипид, пифагорейцы и орфики не оставили и следа в первом столетии и чего бы хорошего они ни сделали, оно давно исчезло, — ответим: реальность свидетельствует об обратном. Филій, писавший примерно в 25 г. н.э., рассказывает нам, что он встречал по всему миру многочисленные группы людей, которые вели религиозную во всех отношениях жизнь. Отказавшись от своего имущества и привычного образа жизни, они ушли из мира и целиком посвятили себя поискам мудрости и развитию добродетели. В своем трактате «О созерцательной жизни» он пишет: «Этот класс людей, стремящихся к совершенному добру, можно найти во многих частях обитаемого мира, как в греческом, так и в не греческом. В Египте они встречаются толпами в каждой провинции, и особенно в окрестностях Александрии». Перед нами очень важное свидетельство, ибо если

столько людей в то время отдавалось религиозной жизни, то хотя бы поэтому эпоху первого столетия невозможно чернить безнравственностью.

Да, эти сообщества имели разную природу и происхождение, и далеко не все они были терапевтами или ессеями. Здесь уместно вспомнить о различных истоках происхождения доктрин многочисленных школ, именуемых в целом гностиками, что было кратко рассмотрено в моей последней работе «Фрагменты забытой веры». Можно обратиться к прекрасным трактатам герметических школ и убедиться в том, что в первом столетии стремление к религиозной и философской жизни было широко распространенным.

Что же касается вопроса происхождения общин терапевтов Филия, а также ессеев Филия и Иосифа, то мы не разделяем мнения о том, что их традиции восходят к орфической и пифагорейской. Этот вопрос остается для истории открытым. Не относимся мы и к тем, кто преувеличивает один элемент из множества и пре-

вращает его в универсальный источник. При рассмотрении несовершенных, фрагментарных, но важных записей о многочисленных школах и братствах подобного характера, имевших определенный контакт с зарождающимся христианством, можно составить представление об интенсивности религиозного процесса во многих частях Империи.

Главная трудность при исследовании заключается в том, что эти общины, братства и объединения держались порознь и, за редким исключением, практически не оставили записей о своих сокровенных практиках и верованиях. Если же таковые и делались, то они уничтожались или со временем были утеряны. И потому приходится полагаться на общие указания весьма фрагментарного характера. Но неполнота этих сведений не является для нас оправданием, чтобы отрицать или игнорировать существование различных школ и интенсивность их деятельности.

В связи с чем, возвращаясь к Аполлонию, стоит отметить, как же мало, должно

быть, было фактов у его биографа! Фило-
страт в свое время дал риторическую оцен-
ку жизни придворных философов, но в ней
не присутствуют моменты относительно их
религиозных воззрений. Филострат не
чувствовал жизни религии. И «Жизнь
Аполлония», в ее нынешней трактовке,
может лишь косвенно пролить свет на су-
ществование наиболее интересных сооб-
ществ, — когда все окутано такой тьмой,
и случайная информация имеет большую
ценность. Если бы было возможно про-
никнуть в память Аполлония, соприкос-
нуться с его мыслями и взглянуть его гла-
зами на ту далекую действительность, то
какая чрезвычайно интересная страница
мировой истории была бы раскрыта! Он
не только пересек все страны, где укоре-
нялась новая вера, но и по несколько лет
жил в большинстве из них и был близко
знаком с деятельностью многих мистичес-
ких обществ Египта, Аравии и Сирии. Он
наверняка посещал первые христианские
общины и беседовал с «учениками Господ-
да»! Но ни одного слова не сказано об этом,

и ни единой крупинки информации по этим вопросам в записях о нем мы не находим. Возможно, в 66 году в Риме он встречался с Павлом, когда тот вынужден был уехать из-за эдикта об изгнании философов. В том самом году, когда, по предположению, Павел был обезглавлен!

• Часть III •

ИНДИЯ И ГРЕЦИЯ

Исследование жизни и деятельности Аполлония представляет огромный исторический интерес еще и потому, что он был восторженным приверженцем индийской философии. В связи с чем возможны следующие вопросы: какое влияние, если оно имело место, оказали брахманизм и буддизм на западную мысль в те давние годы? Одни горячо утверждают, что это влияние было очень значительным; другие в равной степени его отрицают, утверждая, что такого вообще не могло быть. Очевидно одно: ни для какой точки зрения нет действительно неоспоримых фактов.

Разногласие в этом вопросе схоже с той ситуацией, когда одни исследователи приписывают возникновение общин ессеев и терапевтов влиянию пифагорейцев, а другие — буддийской пропаганде. Причем, последние не только прослеживают это влияние в догматах и практиках ессеев, но и даже сводят основы учения Христа к буддийскому началу еврейского монотеизма. Более того, некоторые полагают, что за два столетия до непосредственного контакта Греции с Индией, произошедшего во времена походов Александра, Индия через Пифагора оказала сильное влияние на всю последующую философскую мысль Греции. Этот вопрос не может быть решен поверхностным утверждением или отрицанием. Он требует не только хорошего знания общей истории и тщательного исследования философской мысли, но и тонкой, фактически интуитивной оценки подлинности некоторых косвенных фактов, ибо прямые письменные свидетельства не обладают определяющим характером. Мы не можем претендовать на столь обширные познания, и

потому наша главная цель сводится к формулировке некоторых указаний для размышления над обозначенной темой.

Древние греки определенно утверждали, что Пифагор путешествовал в Индию. В свою очередь, неопифагорейцы и неоплатоники, жившие после Аполлония, заявляли, что этот момент в биографии великого самосца появился исключительно благодаря путешествиям самого Аполлония и, более того, что именно Аполлоний породил этот вымысел в «Жизни Пифагора». Однако очевидное сходство многих черт пифагорейской доктрины и индоарийской мысли, а также практик не позволяет нам полностью отрицать возможность того, что Пифагор посещал древнюю Арьяварту. И даже если мы не можем подтвердить этот факт, то следует принять во внимание, что Ферекид, учитель Пифагора, был знаком с некоторыми основными идеями ведического знания. Ферекид учил в Эфесе, но сам скорее всего был персом. Поэтому вполне вероятно, что образованный азиат, проповедующий мистическую философию и основывающий

свою доктрину на идее перерождения, был косвенно — или непосредственно — знаком с индоарийской мыслью.

Персия, по всей вероятности, в это время находилась в тесном контакте с Индией, ибо мы знаем, что примерно во время смерти Пифагора, в правление Дария, сына Гистаспа, персидский военачальник Скилакс устроил экспедицию к реке Инд. Более того, из сочинений Геродота известно, что в это время Индия (то есть Пенджаб) была двенадцатой сатрапией персидской монархии; что индийские части входили в состав войска Ксеркса, — они вторгались в Фессалию и сражались в битве при Платее.

Начиная же с Александра, стал осуществляться прямой и постоянный контакт между Арьявартой и царствами преемников завоевателя. Тогда многие греки писали об этой земле чудес, но в дошедшей до нас информации тщетно искать даже размытые сведения о том, чем действительно занимались «философы» древней Индии.

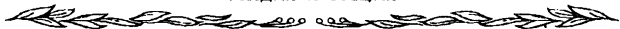
Само предположение, что брахманы того времени могли позволить читать свои священные книги яванам (т.е. ионийцам — общее название греков в индийских записях), противоречит всему, что мы знаем об их истории. Яваны были млечхами, то есть не ариями, и они могли прикоснуться к ревностно охраняемой брахма-видье лишь в качестве сторонних наблюдателей. Но в то время в Индии доминирующей религией был буддизм, который, в свою очередь, протестовал против жестких кастовых и расовых разграничений, установленных брахманской верхушкой. Более того, его приверженцы с поразительным энтузиазмом осуществляли религиозную пропаганду не только среди многочисленных сословий и народностей Индии, но и вне границ своей страны. Из чего мы можем сделать вывод о самом непосредственном контакте между религиозно-философской мыслью Индии и Греции.

Например, мы знаем из эдикта Ашоки, индийского императора-буддиста, что еще в середине III века до н.э. Констан-

тин, правитель Восточно-Римской империи, посылал миссионеров к Антиоху II Сирийскому, к Птолемею II Египетскому, к Антигонию Гонатию Македонскому, к Магию Киренскому и Александру II Эпирскому. Таким образом, Индия, в которой практически не сохранилось исторических свидетельств того времени, представляет нам очевидные факты активной миссионерской деятельности. Но в греческих источниках мы не находим прямого подтверждения такому взаимодействию. Разумеется, отсутствие непосредственной информации по этому вопросу не дает нам права обобщать. И тем не менее наше общее представление о том периоде позволяет заключить, что проводники Дхармы не взволновали общественности Запада. Иными словами, эти буддийские бхикшу не произвели должного впечатления ни на правителей, ни на народ. Но была ли их миссия совершенно бесплодной? И исчезло ли дело буддийских миссионеров на Западе вместе с ними?

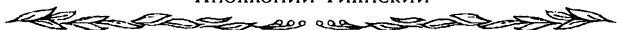
Ответ на этот вопрос, как нам кажется, таится во мраке, окружающем жизнь религиозных общин. И все же мы не можем зайти настолько далеко, чтобы согласиться с теми, кто пытается разрубить гордиев узел, активно утверждая, что общины аскетов в Сирии и Египте были основаны этими буддийскими пропагандистами. Ведь в самой Греции уже существовали не только пифагорейские, но и появившиеся до них орфические общины. В связи с чем можно предположить, что Пифагор скорее развил то, что уже существовало, нежели создал что-либо совершенно новое. И если такие общины уже встречались в Греции, то можно сделать вывод, что несколько раньше они появились в Сирии, Аравии и Египте. Население названных государств гораздо активнее предавалось религиозной практике, чем скептически настроенные и во многом консервативные греки.

Быть может, именно в таких общинах буддийские проповедники могли найти благодарную и внимательную публику; но подтвердить это невозможно, поскольку от-

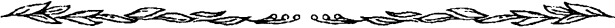
четливых следов их влияния нет. Тем не менее морские и караванные пути были постоянно открытой линией связи между Индией и империей наследников Александра; и будет позволительно представить, что если бы, например, мы отыскиали каталог знаменитой Александрийской библиотеки, то могли бы среди прочих пергаментных свитков со священными текстами разных народов наткнуться и на индийские манускрипты.

Так, в первых сочинениях последователей Гермеса Трисмегиста встречаются словесные обороты, которые в весьма близком соответствии можно найти в упанишадах и «Бхагавадгите». Этого факта достаточно, чтобы предположить об осведомленности писавших относительно содержания брахманических священных текстов. Трисмегистическая литература имеет происхождение из Египта, и самые ранние ее произведения датируются, по меньшей мере, I веком н.э., если не более ранним периодом. В этом ключе следует отметить и еще одно поразительное сход-

ство между возвышенной мистической метафизикой врача-гностика Василида, жившего в конце первого — начале второго столетия нашей эры, и идеями веданты. В целом же и школа Гермеса, и школа Василида, равно как и их непосредственные предшественники, практиковали жесткую самодисциплину и глубокие философские воззрения и потому, наверное, тепло принимали любого философа или мистика, который мог приехать с далекого Востока.

Но мы не будем уподобляться тем исследователям, которые обрекли себя на поиски некоего непосредственного физического контакта для объяснения сходства идей или стиля документов. Всем известно, что существует очень близкое сходство между Дхармой Будды и Евангелием Христа, и что оба эти учения проникнуты единым духом любви и доброты. Но это вовсе не означает, что причину такой схожести следует искать в чисто физической передаче учения. То же касается и других школ и других учителей. Сходные условия

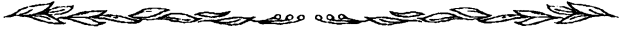
вызывают сходные явления, сходные воззрения порождают сходные идеи, сходный опыт — соответствующую реакцию. Конечно, этот тезис не имеет характера закона, но он явственно определяется поведением истинных хранителей веры.

Следовательно, мы не должны уделять большого внимания вопросу физической передачи учения или искать подтверждения заимствования идей. Человеческое сознание в разном социальном климате и в разное время в большей степени одинаково, а его накопленный опыт образует общую почву, в которую можно посадить семя после того, как она будет вспахана и очищена от сорняков. Все хорошие семена — из одной и той же житницы общего опыта, и тот, кто их сажал, не обращал никакого внимания на установленные кем-то внешние различия — расовые и религиозные.

Доказать же непосредственное влияние индийской мысли на концепции и практики отдельных религиозных общин и философских школ Греко-римской им-

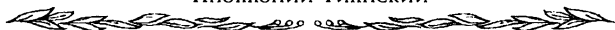
перии будет нелегко даже с помощью дошедших до нас исторических свидетельств. И хотя в каждом конкретном случае схожесть идей не следует объяснять их физической передачей, остается высочайшая вероятность, если не полная уверенность, что тайное знание основных идей веданты и Дхармы существовало в Греции еще до Аполлония. О самом философе в этой связи можно сказать следующее: ту долю мудрости, которую Аполлоний привез из Индии, он распространял в религиозных братствах и институтах Империи с серьезным намерением.

Такое утверждение останется уместным даже в том случае, если мы не примем во внимание девять десятых сведений, связанных с ним. Ведь мы действительно обнаруживаем, что в конце первого века и в первой половине второго в таких мистических объединениях, как школы герметиков и гностиков, существовали идеи, сильно напоминающие нам теософию упанишад или аргументированную этику сутр. Поэтому следует принимать во внимание

не только высокую вероятность того, что Аполлоний посещал эти школы, но и возможность того, что он подробно излагал там индийскую мудрость. Более того, воспоминание об этом влиянии должно было надолго сохраниться в философско-религиозных кругах — иначе почему Плотин, корифей так называемого неоплатонизма, был бы настолько очарован тем, что он слышал в Александрии об индийской мудрости. Вероятно, что именно под этим воздействием он отправился в злополучную экспедицию Гордия на Восток в надежде добраться до этой страны философов. Правда, после провала экспедиции и убийства императора он был вынужден вернуться, навсегда потеряв надежду осуществить свою мечту.

Но не следует думать, что Аполлоний пропагандировал индийскую философию так же, как обычный миссионер излагает свое понимание Евангелия. Никоим образом! Аполлоний старался помочь своим слушателям, кем бы они ни были, подбирая лучший для понимания способ, подходящий

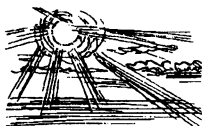
для каждого из них. Он не начинал с изложения того, что они считали крайне ошибочным и погибельным для души, и не заявлял, что их вечное благоденствие зависит от немедленного принятия предлагаемой им схемы спасения. Он просто пытался очистить и подробнее разъяснить то, во что они верили и что практиковали. Нетрудно поверить, что Аполлония в его неустанной деятельности поддерживала некая мощная сила; и те, кто пытается сорвать завесу тайны, любят поразмышлять на тему, что не только Павел, но и Аполлоний получал помощь и указания «учителей».

Правда, еще не пришло то время, чтобы рядовое сознание Запада могло подойти к этому вопросу освобожденным от предрассудков и смириться с мыслью о том, что, по сути, не только Павел, но и Аполлоний был «учеником Господа» в истинном смысле этих слов. Для осознания этого потребуются время, тем более что внешне их деятельность кажется во многих отношениях несхожей и даже,

вследствие теологических предубеждений, полностью антагонистичной.

Следует отметить, что сегодня появляется все больше мыслящих людей, которых такое мнение не только не шокирует, но и воспринимается ими с радостью как символ предвестника истинного солнца праведности. И это восходящее солнце гораздо лучше осветит все многообразие религиозной жизни человечества, нежели чем фарисейство в любой организации религиозных фанатиков.

Именно с таким милосердием и терпимостью просим мы читателя подойти к рассмотрению личности Аполлония и его дел, а также жизни и деятельности его сподвижников.

• Часть IV •

ПРЕЖНИЕ МНЕНИЯ ОБ АПОЛЛОНИИ

Аполлоний Тианский был наиболее известным философом античного мира в I веке и посвятил большую часть своей жизни очищению многих культов Империи и обучению священников и жрецов. В истории Запада того древнего периода более интересным мог быть только сам Христос. Об Аполлонии существовало множество разных и зачастую совершенно противоречивых мнений, ибо сведения о жизни философа дошли до нас скорее в форме романтической истории, нежели исторического документа. Но этого, веро-

ятно, и следовало ожидать, так как у Аполлония, помимо его общественной деятельности, была и сокровенная жизнь, та, к которой он не допускал даже любимых учеников. Он путешествовал по самым далеким странам и пропадал на долгие годы; он вступал в святыни самых священных храмов и оказывался во внутренних кругах самых закрытых обществ. Что он там делал и что говорил? Это остается тайной по сей день. И для многих эта тайна служит поводом к сочинительству какой-нибудь фантастической истории.

Настоящее исследование является попыткой предложить читателю краткий очерк тех тем и вопросов, которые высвечиваются сегодня на страницах исторических документов, касающихся жизни знаменитого тианийца. Без сомнения, мы должны обратиться к «Жизни Аполлония», написанной Флавием Филостратом в начале третьего столетия. Но прежде необходимо представить читателю краткий отчет об упоминаниях имени философа в сочинениях классических писателей и

отцов церкви, а также короткий обзор литературы на данную тему более позднего времени и, соответственно, постоянно меняющуюся картину представлений о жизни Аполлония за последние четыре столетия.

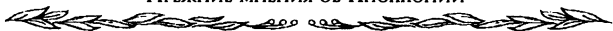
Итак, вначале обратимся к упоминаниям в классической и святоотеческой литературе.

Лукиан, остроумный писатель первой половины II века, делает персонажем одной из своих сатир ученика последователя Аполлония — одного из тех, кто был знаком со «всей трагедией»¹ его жизни. В свою очередь, Апулей, современник Лукиана, причисляет Аполлония к Моисею, Зороастру и другим знаменитым магам античности².

Примерно в тот же период в сочинении «Вопросы и ответы правоверным», ранее приписываемом Юстину Мученику, который жил во второй четверти II

¹ Alexander sive Pseudomantis, VI.

² De Magis (ed. Hildebrand, 1842, II, 614).

века, мы находим следующее интересное заявление: «Вопрос 24: Если Бог — творец и господин мироздания, то как освященные Аполлонием предметы¹ могли иметь власть в [разных] областях этого мироздания? Ибо, как мы видим, они охраняют от ярости волн и ветров, от нашествий насекомых и нападений диких зверей»².

Дион Кассий в своей истории³, написанной в 211-222 г.г., утверждает, что император Каракалла (211-216) почтил память Аполлония установкой часовни или монумента (*heroum*).

Именно в это время (216 г.) Филострат написал «Жизнь Аполлония» по просьбе Домны Юлии, матери Каракаллы, и впоследствии мы будем обращаться главным образом к этому документу.

¹ *τελέσματα*. *Telesma* — это «освященный предмет, превратившийся у арабов в *telsam* (талисман)»; см. «Лексикон» Лидделла и Скотта.

² Justin Martyr, *Opera*, ed. Otto (2 ed., Jena, 1849), III, 32.

³ Кн. LXXVII, 18.

Лампридий, живший примерно в середине III века, сообщает нам, что император Александр Север (222-235) поместил статую Аполлония в свой *lararium* наравне со статуями Христа, Авраама и Орфея¹.

Вопискус, писавший в последней декаде III века, рассказывает нам, что император Аврелиан (270-275) дал обет построить храм в честь Аполлония, который явился ему во время осады Тианы. Вопискус говорит об Аполлонии как о «мудреце широчайшей известности и авторитета, древнем философе, истинном друге богов» и, более того, как о воплощении божества. «Кто среди людей, — вопрошает историк, — был столь святым, столь достойным поклонения, столь почитенным, столь богоподобным, как он? Это он давал жизнь мертвым. Это он сделал и сказал столько вещей, которые не по силам людям»². Вопискус так восторженно относился к Аполлонию, что

¹ Жизнь Александра Севера, XXIX.

² Жизнь Аврелиана, XXIV.

обещал написать короткий рассказ о его жизни по-латыни. Деяния и слова философа, по мнению Вопискуса, должны были быть на устах у всех, потому что пока все существующие документы написаны на греческом¹. Писатель, однако, не выполнил своего обещания. Но мы знаем, что примерно в это время биографию философа написали Сотерик² и Нихомах, а вскоре после этого — и Таский Викториний, работавший с бумагами Нихомаха³. Правда, ни одно из этих жизнеописаний не дошло до нас.

Кстати, именно в этот период, в конце III — начале IV веков, Порфирий и Ямвлих создали свои труды о Пифагоре и его

¹ «*Que qui velit nosse, grecos legat libros qui de ejus vita conscripti sunt*». Этими документами, вероятно, были книги Максима, Мерагения и Филострата.

² Египетский эпический поэт, создавший несколько поэтизированных исторических трудов на греческом; писал в последнем десятилетии III века.

³ Sidonius Apollinaris, Epp., VIII. 3. См. также: Legrand d'Aussy, Vie d'Apollonius de Tyane (Paris, 1807), p. XLVII.

школе. Оба они упоминают Аполлония в качестве первоисточника, и вероятно, что первые 30 глав книги Ямвлиха взяты из Аполлония¹.

А теперь мы переходим к инциденту, сделавшему личность Аполлония объектом христианской полемики, каковым его личность остается и по сей день. Иерокл, философ и поочередный правитель Пальмиры, Битинии и Александрии, примерно в 305 году написал в двух книгах критический обзор неоправданных претензий христиан относительно исключительного права на «чудеса» как на доказательство божественного происхождения их Господа. В труде под заглавием «Правдивое обращение к христианам», или, более коротко, «Любитель правды», он главным образом отталкивается от предыдущих трудов

¹ Porphyry, *De Vita Pythagorae*, section II, ed. Kiessling (Leipzig, 1816). Iamblichus, *De Vita Pythagorica*, chap. XXV, ed. Kiessling (Leipzig, 1813); особенно примечание Кисслинга — стр. 11 и далее. См. также: Porphyry, *Frag.*, *De Styge*, p. 285, ed. Holst.

Цельсия и Порфирия¹, но вводит и новую тему для дискуссии, объясняя чудеса Аполлония все теми же христианскими претензиями. В этой части своего сочинения Иерокл цитирует «Жизнь Аполлония» Филострата.

На эту уместную критику Иерокла немедленно ответил Евсевий Кесарийский в дошедшем до нас сочинении «Против Иерокла»². Евсевий признает, что Аполлоний был мудрым и добродетельным человеком, но не считает достаточно доказанным, что приписываемые ему чудесные вещи действительно имели место; а если

¹ См. статью Дюшеснье о недавно обнаруженных сочинениях Макария Великого (Париж, 1877).

² Наиболее известен текст, изданный Гейсфордом (Оксфорд, 1852): «Eusebii Pamphili contra Hieroclem»; он также включен в несколько вышедших сборников Филострата. Существует два перевода на латинский, один на итальянский, один на датский (все они включены в «Жизнь Филострата»), а также один на французском, напечатанный отдельной книгой (Discours d'Eusebe Eveque de Cesaree touchant les Miracles attribues par les Payens a Apollonius de Tyane, tr. by Cousin. Paris, 1584, 12mo, 135 pp.)

даже и имели, то это было дело «демонов», но не Бога. Сочинение Евсевия очень интересно. Он последовательно разбирает утверждения Филострата, демонстрируя прекрасный талант критика. Если бы он так успешно применял свой талант, работая с документами церкви, первым историком которых он стал, то потомство было бы ему вечно благодарно. Но Евсевий, как и многие другие апологеты, видел только одну сторону дела; беспристрастность в отношении христианства была чуждой его сознанию. Использовать свой талант критика применительно к церковным документам он считал богохульством в отношении к «чудесам» Иисуса. Но вопрос «чуда», затронутый Иероклом, оставался, и остается открытым.

После того как в XVI веке полемика возобновилась, а гипотеза о «Дьяволе» как первопричине всех «чудес», кроме чудес церкви, утратила свое значение вследствие прогресса научной мысли, природа описываемых в «Жизни Аполлония» чудес по-прежнему представляла большую труд-

ность для ее толкования и осознания. При этом возникла новая гипотеза — о плагиате: жизнь Аполлония была языческим плагиатом жизни Иисуса. Однако Евсевий и поддерживавшие его отцы церкви ничего подобного и предположить не могли: они жили в такое время, когда это заявление можно было легко опровергнуть. Ни единое слово в сочинении Филострата не указывает на то, что он имел хоть какое-то представление о жизни Иисуса. Как бы ни была притягательна для многих теория «тенденциозных сочинений» Баура, мы можем сказать следующее: предположение о подозрении Филострата в плагиате Евангелия не выдерживает никакой критики. Филострат пишет историю жизни достойного и мудрого человека, выполнявшего свою учительскую миссию, которая окутана волшебными историями, сохранившимися в воспоминаниях и подстегивающими воображение восторженных потомков. Но это — далеко не драма воплощенного Божества, пророчествовавшего миру.

Лактанций примерно в 315 году тоже подвергал нападкам труд Иерокла, содержащий несколько очень уместных критических замечаний. Этот отец церкви говорил, что Иерокл перечисляет так много сокровенных христианских учений (*intima*), что порою кажется, будто он в свое время прошел соответствующее обучение (*disciplina*). Но Иерокл, поясняет Лактанций, пытается показать, что Аполлоний совершал те же самые, а то и более впечатляющие, чудеса, что Иисус. Эти попытки, по мнению Лактания, тщетны, ведь христиане верят в то, что Христос — Бог, не из-за свершенных им чудес, а потому, что все сделанное Иисусом предсказано пророками¹. В этом Лактанций более отчетливо, чем Евсевий, видел слабость доказательств божественности «от чуда».

Арнобий, учитель Лактания, писавший в конце III века, упоминая об Аполлонии еще до начала полемики, просто причисляет

¹ Lactantius, *Divinae Institutiones*, v. 2, 3; ed. Fritzsche (Leipzig, 1842), pp. 233, 236.

его к магам, таким, как Зороастр и другие, которых мы перечисляли выше в отрывке из Апулея¹.

Но широкое расхождение во мнениях относительно Аполлония существовало между отцами церкви и без этой полемики. В конце IV века Иоанн Хризостом с очевидным ожесточением называет Аполлония обманщиком и злодеем и заявляет, что все события его жизни — чистый вымысел². Иероним, напротив, в то же самое время высказывает другую точку зрения: внимательно прочитав Филострата, он пишет, что Аполлоний всюду находил, чему можно поучиться, и потому мог стать сведущим человеком³. В начале же V века Августин,

¹ Arnobius, *Adversus Nationes*, I, 52; ed. Hildebrand (Halle, 1844), p. 86. Однако отец церкви с категоричностью, присущей иудейско-христианскому мировоззрению, вычеркивает Моисея из списка магов.

² John Chrysostom, *Adversus Judaeus*, v. 3 (p. 631); *De Laudibus Sancti Pauli Apost. Homil.*, IV (p. 493, ed. Montfauc).

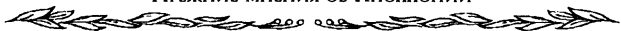
³ Hieronymus, *Ep. ad Paullinum*, 53 (text ap. Kayser, praef. IX).

высмеивая любую попытку сравнения Аполлония с Иисусом, тут же говорит, что в отношении добродетели Аполлоний был «гораздо выше», чем Иов¹.

Примерно в то же время Исидор Пелузийский, умерший в 450 году, яростно отрицает присутствие малейшей правды в словах «некоторых» (кого именно — он не уточняет) о том, что Аполлоний Тианский «освятил много мест во многих частях света ради безопасности жителей»². Будет поучительно сопоставить отрицание Исидора с уже процитированным нами фрагментом из псевдо-Юстина. Автор «Вопросов и ответов правоверным», живший во II столетии, не мог снять вопрос посредством безапелляционного отрицания. Он признал его постановку правомерной, но объяснил суть проблемы другими причинами, а именно посредством Дьявола.

¹ August., Epp., CXXXVIII. Цитируется по: Legrand d'Aussy, Vie d'Apollonius de Tyane (Paris, 1807), p. 294.

² Isidorus Pelusiota, Epp., p. 138; ed. J. Billius (Paris, 1585).

Непредвзятая критика не может принять и другого аргумента отцов церкви, будто Аполлоний использовал магию. Но в то время даже обычные христиане могли совершать чудеса исцеления одним лишь словом¹. В общем, нет никаких предпосылок и доказательств того, чтобы объяснять «чудеса» Аполлония использованием подобных методов. Напротив, и сам Аполлоний, и его биограф Филострат энергично отрицают обвинение в применении магии.

С другой стороны, Сидоний Аполлинарий, епископ Клармонский, отзывался об Аполлонии в восторженных тонах. Сидоний перевел «Жизнь Аполлония» на латынь для Леона, советника короля Орика, и в письме к своему другу писал: «Прочитай о жизни человека, который (кроме религии) во многом напоминает тебя; его ждало богатство, но он не искал богатств; любил мудрость и презирал золото; был воздержан среди пиршеств и аскетичен

¹ См.: Arnobius, *Adversus Nationes*, I, 52; ed. Hildebrand (Halle, 1844).

среди роскоши; о человеке, одетом в полотно среди одетых в пурпур... Возможно, никакой историк не найдет в античные времена философа, жизнь которого была бы сравнима с жизнью Аполлония»¹.

Таким образом, мы видим, что даже среди отцов церкви мнения разделились; сами же философы не скупились на похвалу Аполлонию. Аммиан Марцеллин, друг философа-императора Юлиана и «последний подданный Рима, сочинивший языческую историю на латинском языке», упоминает об Аполлонии как о «самом знаменитом философе»². Несколько лет спустя Эвнапий, ученик Христиантия (одного из учителей Юлиана), писавший в конце IV века, заявляет, что Аполлоний был больше чем философом; он был «средним, если такое бывает, между богом и людьми»³. По сути,

¹ Sidonius Apollinaris, Epp., VIII. См. также: Fabricius, Bibliotheca Graeca, p. 549, 565 (ed. Harles). Сочинение Сидония об Аполлонии, к сожалению, утрачено.

² Amplissimus ille philosophus (XXIII, 7). См. также: XXI, 14; XXIII, 19.

³ *τι θεον τε καί άνθρωπον μέσον* — предположительно так он говорит о тех, кто по своей степени

Филострату следовало бы назвать его биографию «Жизнь бога среди людей»¹. Такой, на первый взгляд, крайне преувеличенной оценке можно найти объяснение в том, что Эвнапий принадлежал к школе, знакомой с природой достижений, приписываемых Аполлонию. И в самом деле, мы обнаруживаем, что «в V веке некий Волузий, проконсул Африки, происходящий из древнего римского рода и по-прежнему сильно привязанный к религии предков, почти обожествляет Аполлония Тианского как сверхъестественное существо»².

развития выше людей, но еще не равен богам. Греки называли такое «демоническим» состоянием. Но слово «демон» из-за сектантской озлобленности уже давно утратило свой первоначальный смысл, и теперь его значение популярно передается понятием «ангел». Ср.: Платон. Симпозиум, XXIII: πᾶν τὸ δαιμόνιον μεταξύ ἐστὶ θεοῦ τε καὶ θνητοῦ, «демоническое — это все то, что между Богом и человеком».

¹ Eunapius, *Vitae Philosophorum*, Proemium, VI, ed. Boissonade (Amsterdam, 1822), p. 3.

² Reville, *Apollonius of Tyana*, p. 56 (London, 1866). К сожалению, мне не удалось выяснить, на основании каких источников делается это заявление.

Даже после прихода античной философии в упадок Кассиодор, проведший последние годы своей долгой жизни в монастыре, говорит об Аполлонии как об «известном философе»¹. Из византийских писателей монах Георгий Синкеллий (VIII век) несколько раз упоминает философа; причем, он не только не проявляет какой-либо враждебности, но и заявляет, что Аполлоний был первым и наиболее примечательным из всех знаменитых людей Римской империи². Критик и грамматик Цеций также называет Аполлония «все-знающим и всепредвидящим»³.

И хотя монах Ксифилиний (XI век) в примечании к сокращенной версии истории Диона Кассия называет Аполлония умным фокусником и волшебником⁴, —

¹ *Insignis philosophus*; см. его Хроники, законченные в 519 г.

² В своей Хронографии. См.: Legrand d'Aussy, *Vie d'Apollonius de Tyane* (Paris, 1807), p. 313.

³ *Chiliades*, II, 60.

⁴ Цитируется по: Legrand d'Aussy, *Vie d'Apollonius de Tyane* (Paris, 1807), p. 286.

живший в том же веке Кедрений награждает Аполлония довольно приятным титулом «сведущего философа-пифагорейца»¹ и приводит несколько примеров проявления его способностей в Византии.

По словам Никетаса, в XIII столетии в Византии существовали некие бронзовые ворота, освященные когда-то Аполлоном, — их пришлось переплавить, так как ворота стали объектом суеверий даже для самих христиан².

Если бы «Жизнь Аполлония», написанная Филостратом, исчезла вместе с остальными «Жизнями», то из сведений о философе, осталось бы только то, что мы перечисли выше³.

¹ *φιλόσοφος Πυθαγόρειος στοιχειωματικός* — Cedrenus, *Compendium Historiarum*, I, 346; ed. Bekker. Слово, которое я перевел как «сведущий», обозначает того, «кто обладает властью над стихиями».

² Legrand d'Aussy, *Vie d'Apollonius de Tyane* (Paris, 1807), p. 308.

³ Если исключить спорного происхождения Письма и несколько цитат из одного из утерянных сочинений Аполлония.

Действительно, слишком мало для такой выдающейся личности. И все же это вполне достаточное доказательство, что, за исключением предвзято мыслящих теологов, все «голоса» античности были за философа.

• ЧАСТЬ V •

ТЕКСТЫ, ПЕРЕВОДЫ И ЛИТЕРАТУРА

А теперь обратимся к текстам, переводам и основной литературе по данному вопросу более позднего периода. После мрачных времен забвения Аполлоний вновь открылся миру, но не самым лучшим образом: возобновилась старая дискуссия между Иероклом и Евсевием. Тема же полемики перенеслась из спокойной сферы философии и истории на бурную арену религиозной нетерпимости и предубеждений. Альдус долго не решался опубликовать текст Филострата, но в конце концов в 1501 году напе-

чал его с текстом Евсевия в качестве приложения. «К яду прилагается противоядие», — благочестиво выразился он по этому поводу. Вместе с изданным текстом появляется и латинский перевод флорентийца Ринуччи¹. Далее, в XVI столетии, также появились итальянский² и французский³ переводы.

Editio princeps Альдуса век спустя потеснило издание Мореля⁴, за которым, в свою очередь, веком позже последовало

¹ Philostratus de Vita Apollonii Tyanei Libri Octo; Eusebis contra Hieroclem (Venice, 1501-1504). Перевод Ринуччи был доработан Бироальдусом и напечатан в Лионе (1504), а затем в Кельне (1534).

² F. Baldelli, Filostrato Lemnio della Vita di Apollonio Tiano (Florence, 1549, 8vo.)

³ B. de Vignere, Philostrate de la Vie d'Apollonius (Paris, 1596, 1599, 1611). Перевод Блеза Винье был впоследствии исправлен Фредериком Морелем, а позднее — Тома Артю; в своих напыщенных примечаниях последний резко нападает на чудеса Аполлония. Перевод на французский сделал также Т. Сибиле примерно в 1560 году, но он так и не был опубликован; рукопись хранилась в Имперской библиотеке. См.: Miller, Journal des Savants, 1849, p. 625 (приводится Шассанем).

⁴ F. Morellus, Philostrati Lemnii Opera, греч. и латинск. (Paris, 1608).

издание Олеариуса¹. А еще через полтора столетия текст Олеария был вытеснен книгой Кайзера (первый критический текст), в последнем издании которого применены новейшие критические методы². Всю информацию, касающуюся рукописей, можно найти в латинских предисловиях Кайзера.

А теперь мы попытаемся дать некоторое представление об основной литературе по данному вопросу, чтобы читатель по библиографическим сноскам смог заметить переменчивость фортуны в «войне мнений». Если же читатель проявит нетерпение и захочет чего-нибудь более интересного, то он может просто их не читать.

¹ G.Olearius, *Philostratorum que supersunt Omnia*, греч. и лат. (Leipzig, 1709).

² C.L.Kayser, *Flavii Philostrati que supersunt, etc.* (Zurich, 1844, 4to.). В 1849 году А.Вестерманн тоже опубликовал свой текст, «*Philostratorum et Callistrati Opera*», в серии «*Scriptorum Graecorum Bibliotheca*» Дидо (Париж, 1849, 8 тт.) Но Кайзер выпустил новое издание в 1853 (?) году, а затем — и третье, с дополнительной информацией в предисловии, в серии «*Bibliotheca Teubneriana*» (Лейпциг, 1870).

Если он любит мистику и не получает удовольствия от ожесточенной полемики, то, по крайней мере, сможет посочувствовать автору, которому пришлось просмотреть сочинения прошлого века и изрядное количество трудов предыдущих столетий, с тем чтобы высказать читателю собственное мнение с чистой совестью.

Практически все, что было высказано до XIX века, характеризуется сектантской предубежденностью против Аполлония¹. Из книг, действительно посвященных нашей теме, сочинения аббата Дюпена² и де Тильемона³ представляют

¹ Общий обзор мнений авторов, случайно упоминавших об Аполлонии, до 1807 г. см.: Legrand d'Aussy, *Vie d'Apollonius de Tyane* (Paris, 1807), p. 313-327.

² *L'Histoire d'Apollone de Tyane convaincue de Faussete et d'Imposture* (Paris, 1705).

³ Описание жизни Аполлония Тианского (Лондон, 1702), пер. с французского: Lenian de Tillemont, *Histoire des Empereurs*, vol. 2 (2nd ed., Paris, 1720); к нему также добавлены некоторые замечания об Аполлонии. Де Тильемон считал, что Аполлоний был послан Дьяволом, чтобы разрушить работу Спасителя.

собой яростные нападки на философа из Тианы с целью защитить монополию христиан на чудеса. Сочинения же аббата Уттевиля¹ и Людервальда² менее агрессивны, но выдержаны в том же духе. Скрывающийся под псевдонимом автор XVIII века проводит несколько иную линию: он объединяет чудеса иезуитов и других монашеских орденов с чудесами Аполлония и при этом называет их фальшивыми, признавая истинными исключительно чудеса Иисуса³.

¹ Критическое и историческое рассмотрение методов основных авторов, писавших за и против христианства с самого его зарождения (Лондон, 1739), перевод с французского аббата Уттевиля; к нему прилагается «Диссертация о жизни Аполлония Тианского, с некоторыми замечаниями по поводу последней школы платоников», стр. 213-254.

² Anti-Hierocles oder Jesus Christus und Apollonius von Tyana in ihrer grossen Ungleichheit, dargestellt v. J.B.Luderwald (Halle, 1793).

³ Phileleutherus Helveticus, De Miraculis que Pythagorae, Apollonio Tyanensi, Francisco Asisio, Dominico, et Ignatio Loyolae tribuuntur Libellus (Draci, 1734).

Однако Бэкон и Вольтер говорят об Аполлонии в восторженных тонах¹, а за столетие до Вольтера английский деист Чарльз Блунт² выступил против всеобщего поношения личности Аполлония; правда, его сочинение было поспешно изъято из продажи. На фоне этой войны по поводу «чудес» в восемнадцатом столетии приятно отметить короткий трактат Херцога, который пытается дать обзор философии и религиозной жизни Аполлония³, но, увы, в этот век раздоров у примера такого либерализма не нашлось последователей.

Теперь что касается более ранней литературы по нашему вопросу. Откровен-

¹ См.: Legrand d'Aussy, *Vie d'Apollonius de Tyane* (Paris, 1807), p. 314, где приведены данные тексты.

² Две первые книги Филострата, касающиеся жизни Аполлония Тианского (Лондон, 1680 и след.). Заметки Блунта (обычно приписываемые лорду Герберту) вызвали такой общественный протест, что в 1693 году книга была изъята из продажи; сохранилось лишь несколько экземпляров. Правда, век спустя, в эпоху энциклопедизма, заметки Блунта были переведены на французский и появились как приложение к французскому переводу «Жизни» под заголовком: *Vie d'Apollonius de Tyane*

но говоря, ни одно из этих произведений не стоит читать: в тот период проблему не могли рассматривать без эмоций. Эта литература возникла на ложной почве полемики между Иероклом и Евсевием, которая являлась всего лишь случайностью (ибо чудотворством занимались все великие учителя, а не только Аполлоний или Иисус) и была отравлена возникновением энциклопедизма и рационализма времен революций. Polemika насчет чудес не утихла и в прошлом веке; правда, теперь она не затемняет весь горизонт и солнце спокойной рассудительности порою проглядывает сквозь туман.

В прошлом столетии появился английский перевод (Беруик), итальянский

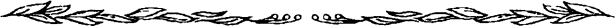
par Philostrate avec les Commentaires donnees en Anglois par Charles Blount sur les deux Premiers Livres de cet Ouvrage (Amsterdam, 1779, 4 vols., 8vo.) — с ироническим посвящением папе Клименту XIV, подписанным «Филалет».

³ Philosophiam Practicam Apollonii Tyanei in Sciagraphis, exponit M. Io. Christianus Herzog (Leipzig, 1709); университетский доклад в 20 страниц.

(Ланцетти), французский (Шассань) и два немецких (Якобс и Бальцер)¹. Перевод преподобного Э.Беруика — единственный существующий английский перевод. В предисловии автор подчеркивает, что элемент чудесного в «Жизни Аполлония» — ложный. В остальном же книга заслуживает внимательного отношения. Ее изучение не принесет вреда христианской религии, — в сочинении нет никакой аллюзии на жизнь Христа, а все чудеса основаны на тех, что приписываются Пифагору.

Это, несомненно, более здравая точка зрения, чем у приверженцев теологической полемики. Возобновлением этой полемики мы обязаны Бауру, который видел в большинстве первых документов христианской эры (в основном канонических) «тенденциозные сочинения», не имевшие

¹ Филострат труден для перевода, но Шассаню и Бальцеру удалось неплохо справиться с этим делом. Перевод Беруика тоже читабелен, но во многих местах он предлагает нам скорее пересказ, чем перевод, и часто ошибается в значении слов. Переводы Шассаня и Бальцера гораздо лучше.

ни малейшего исторического содержания и отражавшие перемены в различных школах и партиях, а не истории жизни реальных людей. «Жизнь Аполлония», по его мнению, была одним из таких тенденциозных сочинений, смысл которого заключался в выдвижении точки зрения, противоположной христианской, в пользу философии. Баур, таким образом, вырвал обозначенный вопрос из исторического контекста и приписал Филострату сложную схему действий, о которой тот даже и не подозревал. Точку зрения Баура в значительной степени приняли Целлер (в его работе «Philosophie der Griechen», стих 140) и Ревиль в Голландии.

Теория «Christusbild», «отображения Христа» (которую некоторые экстремисты довели до крайности, отрицая само существование Аполлония), получила огромную популярность среди авторов, пишущих на данную тему, особенно среди составителей энциклопедических статей. И тем не менее нужно отдать должное этой теории: она предоставляла более ши-

рокое поле для дискуссий, нежели традиционный спор о чудесах, возрожденный Ньюменом. Последний использовал Аполлония лишь как оправдание для своей диссертации об ортодоксальных чудесах, которым он посвятил восемнадцать из двадцати пяти страниц своей работы. Выше-названному Бауру следует Ноук и в некоторой степени Петтерш, который пытается перенести предмет разговора в сферу философии. Пастор церкви святого Николая в Гамбурге, Мёккерберг, несмотря на желание быть беспристрастным в отношении Аполлония, завершает свой многословный трактат потоком благочестивых восхвалений Иисуса. Мы никоим образом не противоречим подобным восхвалениям, но они совершенно неуместны в данном случае.

Развитие полемики из «чудес Иисуса и Аполлония» в «Иисус против Аполлония» и даже «Иисус против Антихриста» являет собой болезненное зрелище: сменяющие друг друга отряды крепких бойцов с одной стороны, и в лучшем случае слабый протест — с другой. С ка-

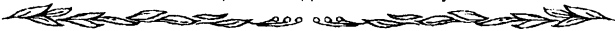
кой печалью, должно быть, Иисус и Аполлоний смотрели — и продолжают смотреть — на эти жестокие и бесполезные распри вокруг их безгрешных личностей. Почему потомки противопоставляют воспоминания о них? Разве они противостояли друг другу при жизни? Разве так делали биографы после их смерти? Почему бы этой полемике не прекратиться со смертью Евсевия? Ведь Лактанций открыто признает положение (выдвинутое Иероклом, для доказательства которого последний упоминает Аполлония лишь как один пример из множества) о том, что «чудеса» не доказывают божественности. Мы основываем наши утверждения, говорит Лактанций, не на чудесах, но на исполнении пророчества¹. Если бы вместо позиции Евсевия была возрождена эта, более разумная, то проблема Аполлония была бы рассмотрена в ее

¹ Это должно было по крайней мере вернуть Аполлония в его естественное окружение и ограничить вопрос божественной природы Иисуса соответствующими иудейско-христианскими рамками.

естественной исторической области еще четыре столетия назад. Сколько чернил и бумаги было бы сэкономлено!

С развитием критического метода научного анализа равновесие мнений наконец-то частично восстановилось. И нам приятно обратиться к работам, в которых предмет дискуссии избавляется от теологического обскурантизма и переносится в открытую область исторических и критических исследований.

Две книги Леграна д'Осси, появившиеся в начале прошлого столетия, оказались для того времени на удивление свободными от предвзятых мнений. Автор, без сомнения, достоин похвалы, поскольку продемонстрировал возможность исторической беспристрастности; однако научная критика в ту пору была еще слишком молода. Например, Кайзер, не особо вникая в предмет, решает, что повествование Филострата есть исключительно «*fabularis narratio*», но ему противостоит И.Мюллер, отстаивающий наличие в документе действительного исторического фрагмента. Но лучше

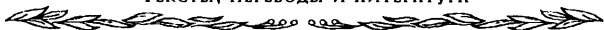
всех рассматривает источники Йессен¹. В работе Приоля речь идет исключительно об индийском периоде жизни Аполлония, поэтому она не представляет никакой ценности с точки зрения критического подхода в рассмотрении первоисточников. Из всех предыдущих работ наиболее продуманными представляются труды Шас-сая и Бальцера, ибо оба автора осознают возможности психической науки, хотя и ограничиваются главным образом спиритическими феноменами.

Что же касается несколько тенденциозной книги Тредуэлла, написанной на английском языке и потому доступной читателю, то она в основном имеет реакционный характер и служит ширмой для злобной критики христианских источников с секуляристской точки зрения, отрицавшей саму возможность «чуда» в любом смысле слова. В книге приводит-

¹ Я не могу высказать свое мнение о книге Нильсена, так как не знаю датского языка, но она производит впечатление тщательно проработанного трактата с обилием ссылок.

ся множество хорошо известных нумизматических и других сведений, которые совершенно не относятся к делу, но являются для автора новыми и удивительными. На титульном листе издания приведена карта, отображающая маршруты путешествий Аполлония, но ссылок на текст Филострата почти нет. Тредуэлл действительно нигде не показывает нам, что работает с самим текстом. Тема Аполлония служит для него лишь оправданием написания бессвязной диссертации о первом столетии в его собственном видении. Все это весьма прискорбно, ибо, за исключением перевода Беруика, который практически невозможно достать, на английском языке не существует ничего ценного для обычного читателя¹; разве что короткий очерк Синнетта, имеющий скорее описательный характер, чем критический или пояснительный.

¹ «Языческий Христос» Ревия искажает тему, а отношение к вопросу Ньюмена позволяет считать его работу анахронизмом для XX века.

Так выглядит история мнений об Аполлонии; а теперь мы перейдем к Аполло-
нию в сочинении Филострата и попыта-
емся, когда это возможно, найти следы, ос-
тавленные этим человеком в истории, и
прояснить характер его жизни и деятель-
ности.

• Часть VI •

БИОГРАФ АПОЛЛОНИЯ

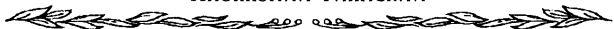
Флавий Филострат — автор единственной дошедшей до нас «Жизни Аполлония»¹. Замечательный писатель и мыслитель жил в последней четверти II — первой половине III века (примерно 175–245 гг.). Им был организован известный литературный салон при императрице-философе² Юлии Домне, путеводной зве-

¹ Состоящей из восьми книг, написанных на греческом, под общим заглавием *Τὰ ἐς τὸν Τυανέα Ἀπολλώνιον*.

² *ἡ φιλόσοφος*, см. статью «Филострат» в словаре греческих и римских биографов Смита (Лондон, 1870), III, 327b.

зды Империи при правлении ее мужа Септимия Севера и сына Каракаллы. Все три члена императорской фамилии изучали оккультные науки; в те давние времена оккультные науки, как добрые, так и злые были предметом всеобщей страсти. Скептически настроенный Гиббон пишет в своей статье о Севере и его знаменитом наследнике: «Подобно большинству африканцев, Север со страстью предавался пустому изучению магии и гадания, отлично разбирался в толкованиях сновидений и знамений и был хорошо знаком с наукой судейской астрологии, которая почти во все времена, за исключением нынешнего, властвовала над умами людей. Первую жену он потерял, когда был губернатором Лионской Галлии. При выборе второй он хотел соединиться именно с избранницей судьбы; и как только узнал, что у молодой женщины из сирийского города Эмеса царский гороскоп¹, добился ее руки. Юлия Дом-

¹ Курсив — Гиббона.

на¹ (ибо так ее звали) заслужила все то, что обещали ей звезды. Она была необыкновенно хороша даже в преклонном возрасте², живость ее воображения сочеталась с решительностью характера и рассудительностью, столь редкой для ее пола. Эти качества никогда не производили впечатления на темный и завистливый нрав ее мужа³. Но при правлении сына она занималась основными делами Империи с осмотрительностью, поддерживающей его авторитет, и со сдержанностью, которая иногда компенсировала его дикие выходки. Юлия довольно успешно занималась литературой и философией и пользовалась отличной репутацией. Она была покровительницей всех искусств и другом всех гениев»⁴.

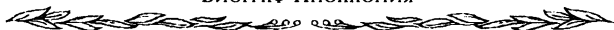
Таким образом, даже по этой несколько недоброжелательной оценке Гиббона

¹ Более правильно — Домна Юлия; Домна — это не сокращенная форма от «Домина», а сирийское имя императрицы.

² Она умерла в 217 г.

³ Другие историки утверждают противоположное.

⁴ Gibbon, *Decline and Fall*, I, vi.

мы видим, что Домна Юлия была женщиной с исключительным характером, чьи внешние поступки указывали на внутреннюю цель, и чья частная жизнь не сохранилась в записях. Именно по ее просьбе Филострат написал «Жизнь Аполлония», и именно она снабдила писателя рукописями в качестве источников, которые, в свою очередь, хранила. Прекрасная дочь Бассиания, жрица солнца из Эмесы, была ревностным коллекционером книг со всего света, особенно рукописей философов, в том числе и различных биографических записей, касающихся знаменитых исследователей внутренней природы вещей.

То, что Филострат был самым подходящим человеком для выполнения столь важной задачи, не подлежит сомнению. Действительно, он был искусным стилистом и опытным писателем, литературным критиком и пылким любителем древностей, — таким мы видим автора и в других его сочинениях. Но он скорее был софистом, чем философом, и, несмотря на то что являлся восторженным почитате-

лем Пифагора и его школы, держался от нее в стороне. Филострат считался с нею из-за волшебной атмосферы любопытства и полетов живого воображения, в отличие от адептов школы, которых учение Пифагора приводило к практическому познанию скрытых сил души. Следовательно, мы должны ожидать, что писатель видел вещь только снаружи, но не понимал ее изнутри.

Вот рассказ Филострата об источниках, из которых он почерпнул информацию, касающуюся Аполлония¹: «Я собрал свои материалы частично в городах, где его любили, частично в храмах, чьи обряды и предписания он возродил из забвения, частично из рассказов других людей о нем и частично из его собственных писем². Более подробную информацию я

¹ Я использую повсюду текст Кайзера (издания 1846 и 1870 гг.).

² Собрание этих писем (но не полное) принадлежало императору Гадриану (117-138) и хранилось в его дворце в Антиуме (VIII, 20). Это доказывает, какой огромной славой пользовался Аполлоний вскоре после смерти, когда он был еще

добыл следующим образом. Был человек по имени Дамис, получивший некоторое образование и ранее живший в древнем городе Нинусе¹. Он стал учеником Аполлония и делал записи о его путешествиях, в которых, как утверждает Дамис, он и сам участвовал, а также о взглядах, высказываниях и предсказаниях своего учителя. Кто-то из семьи Дамиса передал эти записи², о которых до сего времени никто не знал, императрице Юлии. Так как я входил в круг общения императрицы, которая любила литературу и покровительствовала ей, она приказала мне переписать эти наброски и улучшить их форму. Несмотря на то что ниневиец выражался ясно, стиль его был далек от пра-

жив в воспоминаниях. Следует отметить, что Гадриан был просвещенным правителем, знаменитым путешественником, любителем религии и был посвящен в Элевсинские мистерии.

¹ Ниневии.

² τὰς δέλτους, дощечки для письма. Это позволяет понять, что записи Дамиса не были обширными, хотя Филострат далее утверждает, что они очень подробны (I, 19).

вильного. Я получил доступ к книге Максима Эгейского¹, в которой перечислялись все деяния Аполлония в Эгее². Есть также завещание, написанное Аполлонием, из которого можно узнать, что он обожествлял философию³. Что же касается четырех книг Мерагения⁴ об Аполлонии, то они не заслуживают внимания, ибо Мерагений почти ничего не знает о его жизни» (I, 2, 3).

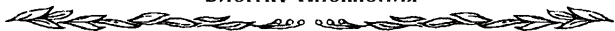
Таковы источники сочинения Филострата. К сожалению, теперь они нам недоступны, за исключением разве что нескольких писем. Причем, получение информации не составило для Филострата особого труда, так как в заключение (VIII, 3) он сообщает нам, что совершил

¹ Один из императорских министров, известный своим красноречием, наставник Аполлония.

² Город неподалеку от Тарсуса.

³ ὡς ὑποθειάζων τὴν φιλοσοφίαν ἐγένετο. Понятие ὑποθειάζων встречается только в этом месте, и я не совсем уверен в его значении.

⁴ Это жизнеописание мимоходом упоминает Ориген в «Contra Celsum», VI, 41; изд. Ломматцах (Берлин, 1841), II, 373.

путешествия в большинство частей «света» и повсюду слышал «восторженные отзывы»¹ об Аполлонии. К тому же он хорошо знал храм, выстроенный на императорские деньги в память о философе в Тиане («ибо императоры не считали его недостойным таких же почестей, которые воздавали себе»). Надо полагать, что жрецы этого храма владели большой информацией об Аполлонии.

Следовательно, при тщательном критическом исследовании сочинения Филострата нам следует принимать во внимание все эти факторы и попытаться свести каждое утверждение к его оригинальному источнику. Но и на этом задача историка не ограничивается, ибо совершенно очевидно, что Филострат основательно «украсил» свое повествование многочисленными примечаниями и дополнениями, а также речевыми фигурами. Так как античные писатели не отделяли свои примечания от основного

¹ *λόγοις δαιμονίοις.*

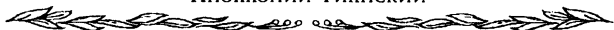
текста и не обозначали их каким-либо особым способом, нам следует постоянно быть начеку, чтобы выявить оригинальные источники по примечаниям автора¹. Филострат часто упоминает какое-либо имя или тему, чтобы показать свои собственные познания, имеющие подчас фантастическую природу. Особенно это проявляется в описании индийских путешествий Аполлония. Индию тогда считали «краем света» (как, собственно, и долгое время после) и вокруг нее циркулировало огромное количество удивительнейших «рассказов путешественников», мифов и легенд. Достаточно лишь почитать рассказы об Индии² начиная со времени Александра, чтобы обнаружить источник большинства тех удивительных случаев, которые Филострат описывает

¹ Очень редко можно найти столь ясное указание, как например, в I, 25: «Вот что мне удалось узнать... о Вавилоне».

² См.: Э.Ф.Шванбек, *Megasthenis Indica* (Бонн, 1846); Дж.У.Маккриндл, Древняя Индия в описании Магестания и Арриана (Калькутта, Бомбей,

как произошедшие с Аполлонием. Вот один пример из доброй сотни: Аполлонию пришлось пересечь Кавказ (неясное название некоей гигантской горной гряды, опоясывающей северные пределы Арьяварты). А Прометей был прикован цепями именно на Кавказе, — об этом уже несколько веков рассказывали детям. Следовательно, если Аполлоний пересек Кавказ, то он должен был видеть эти цепи. Так оно и было, убеждает нас Филострат (II, 3). Более того, он предлагает и дополнительную информацию — о том, что нельзя было понять, из чего эти цепи сделаны! Но после прочтения Мегастения длинный рассказ Филострата об индийских путешествиях Аполлония (I, 41 — III, 58) станет несколько короче: выясняется, что наш известный автор просто заполняет страницу за страницей вставка-

Лондон, 1877), *Торговля и судоходство в Эритрейском море* (1879), *Древняя Индия в описании Ктесия* (1882), *Древняя Индия в описании Птолемея* (Лондон, 1885) и *Вторжение Александра Великого в Индию* (Лондон, 1893, 1896).

ми из различных доступных ему текстов, посвященных Индии¹. По словам этих авторов, например, Порус² (раджа, побежденный Александром) был древним царем Индии. Дело в том, что, рассказывая об Индии или другой малоизвестной стране, писатель в то время был вынужден использовать все связанные с нею популярные легенды, иначе у него оставалось мало шансов на внимание читателей. Нужно было придать повествованию «местный колорит», что особенно касается сочинения Филострата, построенного по всем правилам ораторского искусства.

К тому же было принято вставлять в повествование заранее подготовленные речи, вкладывая их в уста хорошо известных участников исторических событий. Хорошим примером сказанному могут послужить сочинения Тукидида и «Деяния

¹ Еще один хороший пример — очерк о слонах, который Филострат взял из «Истории Ливии» Юбы (II, 13, 16).

² Возможно, это титул или имеется в виду царь Пуруса.

Апостолов». Так поступает и Филострат.

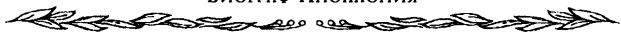
Но пускаться в детальное исследование этой темы стало бы слишком долгим делом (хотя автор сделал примечания для всех подобных моментов) и пришлось бы написать не обзор, а целую книгу. Поэтому мы отмечаем лишь некоторые подобные моменты, дабы читатель был всегда начеку и мог отделить слова Филострата от текста первоисточников¹.

Разумеется, мы должны отчетливо понимать важность критического подхода, когда речь заходит об определенных исторических фактах, нам также следует остерегаться выводов, сделанных с точки зрения современных предубеждений. Есть лишь одна античная литература, к которой на Западе всегда относились с настоящей симпатией, — иудейско-христианская. В ней одной хорошо разбирались. Другая античная литература, трактующая религи-

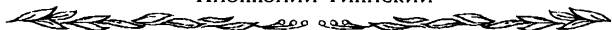
¹ Филострат вовсе не скрывает своих приукрашиваний. См., например, II, 17, где он говорит: «Но я не буду ничего говорить по поводу змей, способ охоты на которых описывает Дамас».

озные вопросы иначе, чем иудаизм или христианство, казалась чуждой, а непонятное или необычное в ней даже вызывало отторжение. Высказывания и дела еврейских пророков, Иисуса и апостолов украшались стилистическими приемами и толковались лучшими умами того времени. Тогда как высказывания и дела других пророков и учителей по большей части становились предметом самой беспощадной критики, причем не делалось никакой попытки понять их точку зрения. Если бы суждения всегда были беспристрастными, то сегодня в мире было бы больше сочувствия, широты взглядов, понимания природы, людей и самого Бога, — а в целом, больше душевного опыта.

Следовательно, читая «Жизнь Аполлония», мы должны смотреть на нее глазами грека, а не еврея или протестанта. К тому же многие, действующие в надлежащей сфере, должны быть для нас подлинным проявлением Божественного в виде Одного или Всех, ибо «боги» существуют независимо от заповедей и вероисповеданий.

Место героев, демонов и богов заняли святые и мученики, но перемена названий и точки зрения людей почти не влияют на неизменные факты. Прочувствовать факты универсальной религии за постоянно меняющимися названиями и с полным пониманием и сочувствием ощутить надежды и страхи каждой стадии религиозного сознания, увидеть, если бы это было возможно, прошлые жизни наших собственных душ — крайне трудная задача. Пока мы не научимся осознанно ставить себя на место других, мы можем разглядеть лишь одну сторону Бесконечной Жизни Бога. Занимающийся сравнительным изучением религий не должен бояться терминов. Он не должен вздрагивать, натываясь на «политеизм», отступать в ужасе при слове «дуализм» или испытывать радость, услышав слово «монотеизм». Он не должен испытывать благоговение, произнося имя Яхве, или презрение при имени Зевса. Он не должен представлять сатира, прочитав слово «демон», и воображать крылатое чудо красоты, произнося слово «ангел». Для него не

существует ереси и ортодоксальности; он обогащает только собственную душу, медленно накапливая свой опыт. Он смотрит на жизнь со всех возможных точек зрения, и тогда ему наконец, возможно, удастся случайно увидеть целое; а увидев целое, он может стать заодно с Богом.

Для Аполлония непосредственные проявления человеческой веры были несущественны; он чувствовал себя как дома во всех странах, среди всех культов. У него находилось обнадеживающее слово для каждого, он тонко чувствовал людей, что помогало ему исцелять их. Такие, как он, встречаются редко, записи же о них драгоценны и не требуют никаких приукрашиваний.

Попробуем для начала обрисовать в общих чертах молодость и путешествия Аполлония, избавившись от украшательств Филострата, а затем попытаемся рассмотреть природу его миссии, его философию, которую он так любил и которая была для него религией, и, наконец, если это возможно, его сокровенную внутреннюю жизнь.

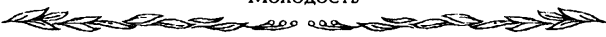
• ЧАСТЬ VII •
МОЛОДОСТЬ

Аполлоний родился¹ в Тиане, городе на юге Каппадокии, примерно в первые годы христианской эпохи. Его родители происходили из древнего рода и были довольно богаты (i., 4). В детстве Аполлоний проявлял признаки хорошей памяти и склонности к наукам, а еще был очень красивым. В возрасте четырнадцати лет его отправили в Тарсус, известный научный центр того времени, для завершения образова-

¹ Ходили легенды об удивительных событиях, сопровождавших его рождению, — той же природы, что и все подобные легенды о рождении великих людей.

ния. Но краснбайство и образ жизни этих «школ» не подходили его серьезному характеру, и он поспешно отбыл в Эгею — город на морском побережье к востоку от Тарсуса. Здесь Аполлоний нашел более подходящее для себя окружение и с пылом погрузился в изучение философии. Он познакомился со жрецами храма Эскулапа, в котором занимались и лечением людей, а также с учениками и учителями платонической, стоической, перипатетической и эпикурейской школ философии. Несмотря на то что Аполлоний внимательно изучал эти философские системы, по-настоящему ему было интересно только учение Пифагора. При его изучении Аполлоний проявлял необычайную глубину понимания¹, несмотря на то, что наставник Эвксений вовсе не практиковал учение, а лишь как попугай бессмысленно повторял доктрины. Такое преподавание было недостаточно для нетерпеливого духа Аполлония; его необычайная «память», наполнявшая жиз-

¹ ἀρρήτῃ τινὶ σοφία ξυνέλαβε.

нью однообразное бормотание наставника, заставляла его двигаться вперед. В шестнадцать лет «он окунулся в пифагорейскую жизнь, вдохновленный великим»¹. Тем не менее Аполлоний сохранил привязанность к своему учителю и щедро наградил его (I, 7).

Когда Эвксений спросил Аполлония, как он собирается начать свою новую жизнь, тот ответил: «Как врачи очищают своих пациентов». С этого момента он отказался притрагиваться к любой пище животного происхождения, полагая, что она отупляет мозг и делает его нечистым. Он считал, что единственно чистая пища — та, которую производит земля: фрукты и овощи. Он также воздерживался от вина, ибо оно, хотя и делается из плодов, «делает мутным эфир² в душе» и «разрушает спокойствие разума». Более того, он ходил босиком, отпустил длинные волосы и не

¹ Речь идет не о наставнике, а о «внутренней памяти», или «даймоне».

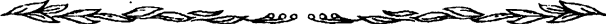
² Видимо, речь идет о мозговом веществе.

носил ничего кроме полотна. Теперь он жил в храме, к восторгу жрецов и с явного одобрения Эскулапа¹, и быстро получил такую известность из-за своего аскетизма и благочестивой жизни, что слова² киликийцев о нем стали пословицей (I, 8).

Когда ему было двадцать, умер его отец (мать умерла несколькими годами ранее), оставив значительное состояние, которое Аполлонию предстояло разделить с братом, необузданным и распущенным юношей двадцати трех лет. Будучи несовершеннолетним, Аполлоний продолжает жить в Эгее в храме Эскулапа, который к тому времени становится активным научным центром. По наступлении совершеннолетия он вернулся в Тиану, чтобы попытаться отвратить брата от его порочной жизни. Но тот уже потратил свою законную долю наследства,

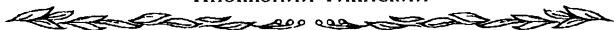
¹ По-видимому, Аполлония поддерживали в его стараниях те невидимые помощники храма, которые осуществляли лечение с помощью снов, и оказывали ему помощь психическими и гипнотическими методами.

² «Куда ты спешишь, Ты хочешь увидеть этого юношу?»

и Аполлоний тут же отдал ему половину своей доли и мягкими увещеваниями вернул ему мужество. Видимо, Аполлоний решил привести в порядок дела своей семьи, потому что остальную часть наследства он распределил между рядом своих родственников, а себе оставил жалкие гроши; он сказал, что ему много не нужно, а жениться он никогда не станет (I, 13).

Теперь он принял обет молчания на пять лет, ибо решил ничего не писать о философии, пока не пройдет через такое полезное испытание. Эти пять лет прошли главным образом в Памфилии и Киликии, и, хотя Аполлоний уделял много времени учебе, он не заточал себя в какой-либо общине или монастыре, а путешествовал из города в город. Искушений для нарушения принятого обета было множество. Его странный вид привлекал всеобщее внимание, насмешливый народ делал молчаливого философа объектом своего бессовестного остроумия. Он же мог защититься от их грубости и непонимания только выражением достоинства

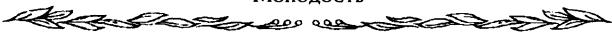

на лице и блеском глаз, которые теперь могли видеть и прошлое и будущее. Он много раз был готов взорваться в ответ на сильное оскорбление или лживую сплетню, но всегда сдерживал себя словами: «Сердце, будь терпеливым, а ты, язык мой, молчи»¹ (I, 14).

Он делал добрые дела молча и даже в таком юном возрасте начал бороться с пороками. С помощью глаз, рук и движений головы он заставлял себя понимать, а однажды, под Аспендусом в Памфилии, предотвратил серьезный бунт, успокоив толпу повелительными жестами, написав потом на табличках то, что хотел сказать (I, 15).

Тут, очевидно, Филострат целиком опирался на рассказ Максима Эгейского, по крайней мере, до времени, когда Аполлоний покинул Эгею. Далее в его повествовании следует значительный пробел, и две короткие главы с рассуждениями общего содержания (I, 16, 17) — это все, чем ох-

¹ Ср.: *Одиссея*, XX, 18.

ватил Филострат период в пятнадцать-двадцать лет¹, после которого начинаются записки Дамиса.

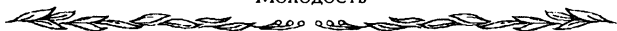
После пяти лет молчания мы находим Аполлония в Антиохии, но это, похоже, был лишь случайный эпизод в длинной череде путешествий и работы. Вероятно, пребыванию философа в Антиохии Филострат уделяет большое внимание лишь потому, что в этом часто посещаемом путешественниками городе он смог узнать хоть что-то о данном периоде жизни Аполлония. Далее из слов Филострата (I, 20, IV, 37) мы случайно узнаем, что Аполлоний провел некоторое время среди аравийцев и обучался у них. Под Аравией следует понимать страну к югу от Палестины, бывшую в тот период очагом сообществ мистиков. Места, которые посещал Аполлоний, были малоизвестными, там царил дух святости, они

¹ Я, однако, склонен думать, что Аполлоний, отправляясь в свои индийские путешествия, был еще молодым человеком, а не в возрасте сорока шести лет, как полагают некоторые. Но трудности с установлением большинства дат просто непреодолимы.

не были застроены беспокойными городами, — для бесед, как он сам говорил, ему требовались «люди, а не народ»¹. Аполлоний объезжал один за другим храмы, святилища и сообщества; отсюда мы можем заключить, что посвящение в них, если таковое и было, напоминало скорее обычный масонский обряд. По всей вероятности поэтому перед Аполлонием открывались двери гостеприимства.

Но куда бы философ ни отправлялся, он всегда придерживался определенного режима дня. На восходе солнца он в одиночестве выполнял религиозные упражнения, о сути которых рассказывал лишь тем, кто прошел через подготовку «четырех лет» (пяти лет?) молчания. Затем он беседовал со жрецами храма или с руководителями общины — в зависимости от того, где останавливался: в греческом или не греческом храмах с публичными обрядами или, быть может, в общине с собственными традициями, стоящей в сторо-

¹ φήσας οὐκ ἀνθρώπων ἐαυτῷ δεῖν, ἀλλ' ἀνδρῶν.

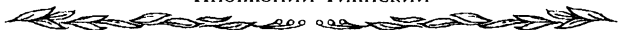

не от общественного культа¹. Таким образом, он старался вернуть публичным культам чистоту их древних традиций и предложить тайным братствам усовершенствования в их практиках. Наиболее важную работу Аполлоний проводил с теми, кто вел внутреннюю жизнь и кто уже смотрел на него как на учителя скрытого знания. Своим товарищам (*εταίρους*) и ученикам (*ομιλητάς*) он уделял много внимания, всегда был готов ответить на их вопросы, дать совет или наставление. Было бы неверно считать, что он пренебрегал массами, Аполлоний обучал их только после полудня. Он говорил, что живущим внутренней жизнью², следует на заре войти в общество богов³; до полудня давать и получать наставления о священных вещах и только после полудня заниматься человеческими делами. Иными словами, утро

¹ *ιδιότροπα*.

² *τοὺς οὕτω φιλοσοφοῦντας*.

³ По-видимому, это означает молчаливую медитацию.

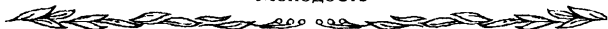

Аполлоний посвящал божественной науке, а вторую половину дня — наставлениям в этике и практической жизни. Вечером он купался в холодной воде, как делали многие мистики в то время и в тех странах, особенно ессеи и терапевты (I, 16).

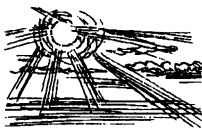
«После этих вещей», говорит Филострат туманно, словно евангельский автор, Аполлоний решил посетить брахманов и сарманов¹. Что побудило философа пуститься в столь долгое и опасное путешествие — об этом Филострат нигде не сообщает. Говорит лишь, что Аполлоний подумал, что путешествие — неплохое занятие для молодого² человека. Но совершенно очевидно, что Аполлоний никогда не путешествовал просто ради путешествия.

¹ Брахманов и буддистов. «Сарман» — это греческое искажение санскритского «шрамана» и палийского «самано» — слов, обозначающих буддийского аскета или монаха. Невежество же переписчиков превратило сарманов сначала в германцев, а затем — в гирканийцев!

² Это показывает, что Аполлоний был еще молод, а не в возрасте 40-50 лет, как утверждают некоторые. Тредуэлл (с. 77) датирует индийские путешествия 41-54 гг.

Все, что он делал, было предпринято с определенной целью. А в этом случае его ориентирами, как он уверял своих учеников, старавшихся отговорить его от этого мероприятия и отказавшихся сопровождать его, были мудрость и его внутренний наставник (даймон). «Поскольку вы малодушны, — сказал одинокий пилигрим, — я прощаюсь с вами. А что касается меня, то я должен идти туда, куда ведут меня мудрость и мое внутреннее “я”. Мои советчики — боги, а я не могу не доверять их советам» (I, 18).

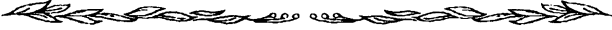

• Часть VIII •

ПУТЕШЕСТВИЯ АПОЛЛОНИЯ

Итак, Аполлоний покидает Антиохию и отправляется в Нин, в ранее великую Нины, или Ниневию. Там он знакомится с Дамисом, который становится его постоянным спутником и преданным учеником. «Пойдем вместе, — говорит Дамис словами, несколько напоминающими слова Руфи. — Ты пойдешь за Богом, а я за тобой!» (I, 19).

С этого момента Филострат открыто признает, что опирается большей частью на повествование Дамиса, и, прежде чем двигаться дальше, нам необходимо попытаться дать какую-нибудь оценку фигуре Да-

миса и выяснить, в какой мере он пользовался доверием Аполлония.

Дамис был восторженным поклонником Аполлония. Он видел в своем учителе существо, близкое к божеству, наделенное волшебными способностями, которым он постоянно удивлялся, но которых так и не понял. Как и Ананда, любимый ученик и постоянный спутник Будды, Дамис очень медленно продвигался в постижении истинной природы духовной науки. Ему всегда приходилось оставаться во дворе при посещении храмов и общин, к святыням и тайнам которых Аполлоний имел полный доступ.

В своем повествовании ученик часто демонстрирует незнание планов и намерений своего учителя¹. Следующий факт напрямую подтверждает это: он отзывается о сделанных записях как о «крошках»² с «пиршеств богов» (I, 19) — тех самых

¹ См. особенно III, 15, 41; V, 5, 10; VII, 10, 13; VIII, 28.

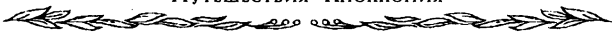
² *ἐκφατνίσματα*.

пиршеств, о которых он мог узнать главным образом от Аполлония; узнать только то, что учитель считал нужным ему рассказать. Поэтому о самих «пиршествах» он, несомненно, имел неправильное представление и приукрашивал услышанное своим воображением. Можно с уверенностью сказать, что Дамис не входил в круг посвященных, что говорит не только о поверхностности его натуры, но и характеризует точку зрения ученика во многом, как наивную.

Из повествования высвечивается и другой очевидный факт: Дамис был робкого характера¹. Он постоянно боялся и себя самого, и своего учителя; и когда же в конце Домициан заключает Аполлония в тюрьму, лишь чудесное избавление учителя от оков прямо на глазах у Дамиса убеждает последнего, что жертва Аполлония была добровольной.

В целом же Дамис предстает перед нами восторженным и любящим. В силу своего характера и натуры он ухватыва-

¹ См. особенно VII, 13, 14, 15, 22, 31.

ется за неважную деталь и преувеличивает ее, и в то же время мимоходом сообщает о действительно существенных моментах. Распознать такие моменты сложно, поскольку о том, что они имели место, Дамис заключает по каким-то намекам Аполлония. По мере продвижения тон повествования становится более благоразумным; но то, что пропускает Дамис, с готовностью восполняет Филострат, используя собственные запасы чудес.

Но даже если мы вооружимся скальпелем критики и срежем всю плоть с этого тела предания и легенд, останется еще скелет фактов, которые говорят об Аполлонии и дают нам некоторое представление о его личности.

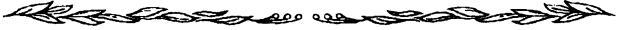
Аполлоний был одним из известнейших путешественников античности. Филострат перечисляет следующие основные страны и места, которые он посетил¹. Из Нин

¹ В этом списке полно пробелов, так что не следует считать записки Дамиса полным отчетом о многочисленных маршрутах; более того, похоже, что все путешествия, в которых не принимал участия сам Дамис, не упоминаются.

(I, 19) Аполлоний отправляется в Вавилон (I, 21), где проводит один год и восемь месяцев (I, 40) и посещает прилегающие города — такие, как Экбатана, столица Мидии (I, 39); от Вавилона и до индийской границы не упоминается никаких названий. По всей вероятности, Индия тогда начиналась с Хайбарского перевала (II, 6)¹, ибо первым упоминаемым городом на этом отрезке пути был Таксила (Атток) (II, 20). Далее они пересекли притоки Инда (I, 43), вышли в долину Ганга (III, 5) и наконец прибыли в «монастырь мудрых людей» (III, 10), где Аполлоний провел четыре месяца (III, 50).

По-видимому, этот монастырь находился в Непале, в горах, а ближайший «город»

¹ Отсюда, во всяком случае, они увидели гигантские горы Имаус (Гимават), или Гималайский хребет, где находилась великая гора Мерос (Меру). Название этого индийского Олимпа превратилось в греческом языке в Мерос, а во времена экспедиции Александра появился миф о том, что Бахус родился из бедра (*meros*) Зевса — видимо, это один из фактов, на основании которых профессор Макс Мюллер заклеил всю мифологию как «болезнь языка».

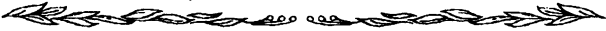
назывался Парака. В этом слове проглядывает путаница, которую Филострат внес в рассказ Дамиса, а Дамис, в свою очередь, произвел удивительные трансформации с индийскими названиями. В Параку, по всей видимости, превратилась Бхарата — название долины Ганга, где жили влиятельные арии. Вероятно также, что «мудрые люди» — это буддисты, ибо они жили в *túrσις* — месте, которое Дамис принял за форт или крепость.

Практически нет сомнений в том, что Филострат ничего не мог поделаться с индийскими географическими названиями из дневника Дамиса. Все они были ему неизвестны, и, исчерпав скудный запас греческих названий, известных ему по отчетам экспедиции Александра, он неопределенно говорит о «концах света», пока наши путешественники не пускаются в обратный путь и не оказываются в устье Инда. Очевидный факт, что Аполлоний имел конкретную цель: отыскать определенную общину — так подействовал на воображение Филострата (воз-

можно, и на Дамиса), что он описывает эту общину как единственный центр подобного рода в Индии. Аполлоний отправился в Индию с конкретной целью и вернулся с определенной Миссией¹. Путешествуя, он, вероятно, разыскивал неких «мудрых людей» и вел постоянные расспросы относительно их места пребывания. Долгие поиски заставили Дамиса вообразить, что те, кого искал учитель, были «гимнософистами» (буквально — «обнаженными философами») из популярных греческих легенд. А в легендах, в свою очередь, по неведению рассказчиков, все индусские аскеты наделялись самыми невероятными свойствами.

Но вернемся к нашему маршруту. Путешествие от Инда к устью Евфрата (III, 52-58) Филострат украшает различными небылицами, включая в описание названия городов и островов, которые он мог узнать

¹ Упоминая о своих наставниках, он говорит: «Я всегда вспоминаю своих учителей и путешествие по миру, когда обучаю вас тому, что узнал от них» (VI, 18).

из доступных ему трудов об Индии. Далее следует возвращение в Вавилон, к знакомым названиям, по следующей схеме: Вавилон, Нин, Антиохия, Селевкия, Кипр; отсюда — в Ионию (III, 58), где Аполлоний проводит некоторое время в Малой Азии, большей частью в Эфесе (IV, 1), Смирне (IV, 5), Пергаме (IV, 9) и Трое (IV, 11). После чего Аполлоний отправляется на остров Лесбос (IV, 13), а потом плывет в Афины и проводит несколько лет в Греции (IV, 17-33), где посещает храмы Эллады, реформирует их обряды и наставляет жрецов (IV, 24). Затем мы встречаем его на Крите (IV, 34), а чуть позже — в Риме времен Нерона (IV, 36-45).

В 66 году Нерон издал указ, запрещающий философам оставаться в Риме, и Аполлоний отправился в Испанию, в Гадес (нынешний Кадис). В Испании, судя по всему, он пробыл совсем недолго (IV, 47), а оттуда перебрался в Африку и дальше морем — на Сицилию, где посетил основные города и храмы (V, 11-14). После Сицилии Аполлоний вернулся в Грецию

(V, 18); со времени его приезда в Афины с Лесбоса прошло четыре года (V, 19)¹.

Из Пирея наш философ отплывает в Хиос (V, 21), потом — на Родос и в Александрию (V, 24). В Александрии он проводит некоторое время и несколько раз встречается с будущим императором Веспасианом (V, 27-41), после чего отправляется в долгое путешествие вверх по Нилу, до находящейся за порогами Эфиопии. Там он находит интересную общину аскетов, которых неопределенно называет гимнософистами (VI, 1-27).

По возвращении в Александрию (VI, 28), Тит, который только что стал императором (VI, 29-34), вызывает его на встречу в Тарсусе. После этой встречи Аполлоний, вероятно, вернулся в Египет, ибо

¹ Некоторые считают, что в это время Аполлонию должно было быть примерно шестьдесят восемь лет. Но если он был достаточно молод (скажем, лет тридцати), когда отправился в Индию, то либо он пробыл в этой стране очень долго, либо мы имеем очень неполные сведения о его делах в Малой Азии, Греции, Италии и Испании по возвращении.

Филострат неопределенно говорит о его жизни в Нижнем Египте и о поездках к финикийцам, киликийцам, ионийцам, ахейцам, а после них — в Италию (VI, 35).

Годы правления императора Веспасиана — с 69-й по 79-й, и Тита — с 79-й по 81-й. Следуя описанию, получается, что встречи Аполлония с Веспасианом состоялись вскоре после начала правления Тита. Это означает, что философ потратил на путешествие в Эфиопию несколько лет, — это неверно. Следовательно, рассказ Дамиса очень неточен. В 81 году императором становится Домициан, а Аполлоний, как известно, выступал как против безумных выходок Нерона, так и против законов Домициана.

Соответственно, для Домициана он являлся подозрительной личностью, но, вместо того чтобы скрыться из Рима, Аполлоний решает встретить опасность в лицо. Перебравшись из Египта в Грецию и сев на корабль в Коринфе, он плывет мимо Сицилии в Путеолы, а оттуда — до устья Тибра и в Рим (VII, 10-16). Здесь Аполлоний

предстал перед судом, но был оправдан. Из Путеоли Аполлоний возвращается в Грецию (VIII, 25), где проводит два года (VIII, 24). Далее он снова отправляется в Ионию (а в это время умирает Домициан) (VIII, 25) и посещает Смирну, Эфес и другие любимые места. Тут он отсылает Дамиса под каким-то предлогом в Рим (VIII, 28) и — исчезает. Нам остается только предположить, что он снова отправился в путешествие на «родину мудрых людей», в тот уголок, который любил больше всего.

Домициан был убит в 96 году, а в одной из последних записей об Аполлонии мы находим его видение события во время всего произошедшего. Следовательно, суд над Аполлонием в Риме состоялся примерно в 93 году, а далее мы имеем пробел в двенадцать лет от встречи философа с Титом в 81 году. Этот пробел Филострат заполняет лишь несколькими невнятными историями общего характера.

В отношении возраста Аполлония на момент его загадочного исчезновения со страниц истории Филострат сообщает нам,

что сам Дамис не говорит по этому поводу ничего; но некоторые, добавляет писатель, считают, что Аполлонию было восемьдесят, другие — девяносто, есть мнение, что и все сто.

Цифра в 80 лет лучше всего совпадает с остальными хронологическими указателями, но при доступных нам материалах уверенности в этом быть не может.

Таков географический очерк, если можно так сказать, жизни Аполлония. Думается, что даже тот, кто невнимательно прочтет этот краткий обзор «Жизни Аполлония», — найдет повод удивиться неукротимой энергии и выносливости философа из Тианы.

А теперь перенесем наше внимание на некоторые интересные моменты, связанные с храмами и общинами, в которых бывал Аполлоний.

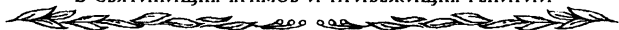

• Часть IX •

В СВАТИЛИЩАХ ХРАМОВ И ПРИБЕЖИЩАХ РЕЛИГИИ

Как мы понимаем, беседы Аполлония со жрецами храмов и приверженцами мистической жизни имели природу самую сокровенную и тайную. В те времена существовала резкая граница между миром внешним и внутренним, между посвященным и непосвященным. Вследствие чего не следует ожидать, что из повествования Дамиса и Филострата мы можем узнать что-либо помимо фрагментов исключительно из внешнего мира. Тем не менее ориентиры внешнего характера сегодня представляют большой интерес.

Храм Эскулапа в Эгее, где Аполлоний провел самые впечатляющие годы своей жизни, был одной из бесчисленных лечебниц Греции, где искусство исцеления практиковалось совершенно иначе, чем сейчас. В этот центр, с его атмосферой психического влияния, на протяжении многих веков стекались пациенты, чтобы «посоветоваться с Богом». Для этого им необходимо было пройти через множество предварительных очищений и соблюдать определенные правила, указываемые жрецами. Далее они проводили ночь в храме и во сне получали указания по поводу своего излечения. К этому методу, несомненно, прибегали тогда, когда не хватало знаний жрецов; но тем не менее жрецы были опытными толкователями сновидений и мастерами их рационального объяснения. Становится очевидным, что если Аполлоний любил этот храм, то он, должно быть, находил под его сводами полное удовлетворение своих духовных потребностей. К тому же он напрямую был причастен к внутренним практикам храма. Вскоре собственные

природные способности возвысили его над наставниками и прославили как «любимца Бога». Многочисленные свидетельства о пациентах нашего времени, пребывающих в трансе или в каком-либо другом предписанном им психическом состоянии, помогут читателю понять, сколь велики были возможности исцеления, которые греки воплотили в образе Эскулапа.

Позднее глава индийских мудрецов исследовал трактаты Эскулапа и связанное с ним искусство исцеления, вложенное учениками в его уста (III, 44). Считается, что это искусство целиком зависело от способностей духовного диагностирования и предвидения (μαντεία).

Заметим, что существовал обычай, когда выздоровевшие больные записывали этот факт на специальной табличке в храме, точно так, как это делается ныне в католических странах¹.

¹ Самый последний труд об Эскулапе на английском — «Культ Асклепия», д-ра философии Элис Уолтон: Корнельские исследования по классической филологии, № III (Итака, штат Нью-Йорк, 1984).

По пути в Индию Аполлоний встречался со многими магами в Вавилоне. Он навещал их в полдень или в полночь, но зачем — об этом Дамису было неизвестно, ибо Аполлоний не позволял ему сопровождать себя, а в ответ на прямые вопросы лишь отвечал: «Они мудры, но не во всем» (I, 26).

Правда, описание некоего зала, в который имел доступ Аполлоний, отчасти напоминает интерьер храма. Крыша была куполообразной, а потолок покрыт «сапфиром»; по этому синему небу двигались сделанные из золота модели небесных тел («которые они почитают, как богов»). Кроме того, с крыши свисали четыре золотых «игги» — так называемые «языки богов». Это были крылатые колеса, или шары, связанные с идеей Адрастеи (Судьбы). Их прототипы неточно описаны в «Видении Иезекииля», а так называемые шары Гекаты (*strophali* или *spherulae*), используемые в магической практике, должно быть, являлись деформированными символами этих «колес жизни», или сфер

жизненных элементов. Обозначенная тема представляет большой интерес, но, к сожалению, в наш век скептицизма и глубокого пренебрежения прошлым она безнадежно утрачена для науки. Согласно оккультному преданию, «боги», обучавшие молодое человечество, стояли на более высокой ступени развития, чем люди нашей планеты. Они дали импульс жизни, а когда дети Земли достаточно повзрослели, чтобы жить самостоятельно, исчезли. Но память об их делах, а также искаженные формы установленных ими мистерий навсегда остались в мифах и легендах. Пророки получали неясные проблески знания о том, чему и как предшественники учили, а в мистериях сохранились некоторые их символы. В том числе и магические «игги».

Что касается индийских мудрецов, то из фантастической путаницы в повествовании Дамиса-Филострата невозможно выстроить связной истории. Дамис смешал воспоминания и обрывочные слухи, даже не пытаясь отделить одну общину или секту от другой, и таким образом создал туманную

картину, которую Филострат предлагает нам как описание некоего «холма» с «мудрецами». Но перепутанные воспоминания Дамиса¹ практически ничего не говорят о реальном монастыре и его обитателях, которые и являлись целью долгого путешествия Аполлония. То, что Аполлоний там видел и слышал, он, следуя своей неизменной привычке, не рассказывал никому, даже Дамису, за исключением следующей загадочной сентенции: «Я видел людей, которые живут и на земле, и не на ней; защищенных со всех сторон без всякой защиты; не имеющих ничего, но владеющих всем». Эти слова появляются в двух местах повествования (III, 15 и VI, 11), и в обоих случаях Филострат добавляет, что Аполлоний писал² и говорил загадочно. Значение этого высказывания нетрудно понять. Они жили и на земле, и не на ней, потому что их ра-

¹ Очевидно: он писал об индийских путешествиях спустя долгое время после их совершения.

² Это показывает, что Филострат наткнулся на эти слова в каком-то сочинении или письме Аполлония и, следовательно, говорит о них независимо от Дамиса.

зум находился выше земной сути бытия. Они были защищены своей природной духовной энергией, многочисленные примеры проявления которой мы находим в индийской литературе. Они не имели ничего, но в то же время владели всем, чем может обладать человек, развивающий духовную сферу своего естества. Но этого объяснения для Филострата недостаточно, и потому он привлекает воспоминания Дамиса или, скорее, небылицы путешественников, — по поводу левитации, магических иллюзий и прочего.

В повествовании главу общины зовут Иархас — совершенно не индийское имя. К сожалению, искажение греками иностранных имен известно всем; более того, мы имеем дело с целой армией несведущих переписчиков, равно как и с Филостратом и Дамисом. Думается, что это слово — искаженное «архат»¹.

Тема психического и духовного знания мудрецов является постоянным мотивом

¹ *Arxas, arxa(t)s, arhat.*

повествования Дамиса. Они знают о том, что происходит на расстоянии, они могут видеть прошлое и будущее, а также прошлые рождения людей.

Гонец, которого послали встречать Аполлония, держал в руках то, что Дамис называет золотым якорем (III, 11, 17), и если этот факт подлинный, то можно предположить, что речь идет о предшественнике тибетского «дордже», изменившегося со временем символа «жезла власти» (нечто вроде молнии Зевса). Описываемый символ может также указывать и на буддистскую общину, хотя следует признать, что другие приметы в равной степени указывают и на брахманические обычаи, например знак касты на лбу гонца (III, 7, 11), (бамбуковые) посохи (данджа), длинные волосы и тюрбаны (III, 13). В целом же этот описательный момент настолько спутан, что отыскать в нем достоверные приметы истории весьма проблематично.

О цели визита Аполлония мы можем судить по его следующему загадочному письму обитателям храма (III, 51): «Я при-

шел к вам по суше, а вы дали мне море; нет, вернее, поделившись со мной своей мудростью, вы наделили меня способностью путешествовать по небу. Все это я донесу до разума греков и буду беседовать с вами, словно бы вы находитесь рядом, если только я выпил из чаши Тантала не напрасно».

Из таких загадочных слов следует, что «море» и «чаша Тантала» идентичны «мудрости», которой поделились с Аполлоном, — мудрости, которую он собирался воскресить в сознании греков. Таким образом, он ясно заявляет, что приехал из Индии с определенной миссией и с определенными способами достижения ее результатов. И далее, он не только отпил из океана мудрости Брахма-видьи, которую услышал из уст индийских мудрецов, но и сможет говорить с ними, когда его тело физически будет находиться в Греции, а их тела — в Индии.

Но это простое объяснение — простое, по крайней мере, для любого изучающего оккультную науку, было выше понимания Дамиса или Филострата. Они не смогли

разобраться с упоминаемой в этом письме «чашей Тантала»¹, дополненной эпизодом с бездонной круговой чашей (III, 32), а также связью этих символов с мистическими фонтанами Бахуса. С помощью этого фрагмента Дамис пытается «пояснить» последнюю фразу в высказывании Аполлония о мудрецах: они «Не имеют ничего, но владеют всем». Более того, потом эта фраза появляется в следующей форме: «не имея ничего, они владеют достоянием всех людей» (III, 15)².

Одной из первых святынь, которые Аполлоний посетил по возвращении в Грецию, был храм Афродиты в Пафосе, на Кипре (III, 58). Яркой отличительной чертой местного культа богини было ее воплощение в таинственном каменном символе. Размеры символа соответствовали размерам человека, а по форме он напоминал

¹ По легенде, Тантал украл у богов чашу с нектаром; это была амрита — океан бессмертия и мудрости индусов.

² Филострат дважды цитирует эту фразу в такой форме, что, естественно, полностью искажает ее смысл.

сосновую шишку, но, естественно, с гладкой поверхностью. Пафос, очевидно, являлся старейшим храмом Венеры в Греции. Его мистерии были очень древними, хотя и заимствованными; их принесли с материка, из будущей Киликии, во времена ранней античности. Поклонение богине и получение от нее советов осуществлялось с помощью молитв и «чистого пламени огня». Храм Афродиты был знаменитым центром предсказаний¹. Аполлоний провел здесь некоторое время, подробно наставляя жрецов по поводу их священных обрядов.

В Малой Азии ему особенно понравился храм Эскулапа в Пергаме; здесь он излечил множество больных и познакомил их с методами получения хороших результатов с помощью исцеляющих снов.

В Трое Аполлоний провел в одиночестве ночь на могиле Ахиллеса, бывшей прежде одной из популярнейших святынь Греции (IV, 11). Зачем он это делал, в описании не поясняется, а фантастический

¹ См. *Тацит. История*, II, 3.

разговор с тенью героя, приводимый Филостратом (IV, 16), кажется совершенно неправдоподобным. Вскоре после этого Аполлоний отправился в Фессалию исключительно для того, чтобы вернуть фессалийцев к древнему культу Ахиллеса (IV, 13). В связи с чем можно предположить, что пребывание Аполлония в Трое было не что иное, как эпизод его огромной работы по восстановлению и очищению старых религиозных институтов Эллады. Аполлоний старался очистить старые вены, чтобы в организме нации заструилась жизнь.

Ходили также слухи, будто Ахиллес сообщил Аполлонию, что статую героя Паламида ему следует искать на побережье Эолии. Аполлоний, соответственно, восстановил статую, а Филострат рассказывает нам, что видел это собственными глазами (IV, 13).

Этот факт не представлял бы интереса без того большого внимания, которое уделяется Паламиду в повествовании Филострата. Чем продиктовано такое внимание,

теперь понять нелегко, так как Дамис и Филострат — неважные посредники между нами и молчаливым, загадочным Аполлонием.

Паламид — один из героев дотроянского периода, которому приписывают изобретение букв или же усовершенствование алфавита, изобретенного Кадмием¹. Но два неясных высказывания в описании (IV, 13, 33) дают нам понять, что Аполлоний считал Паламида философом-героем троянского периода, хотя Гомер почти не упоминает о нем.

Может быть, именно поэтому Аполлоний так беспокоился о восстановлении его статуи? Возможно и более простое объяснение. Дамис полагает, что Аполлоний встречал Паламида в Индии: однажды в монастыре Иархас показал Аполлонию юного аскета, который умел «писать, не зная букв», — вот этот юноша и был не кем иным, как Паламидом в другой его жизни.

¹ Berwick, *Life of Apollonius*, p. 200.

Скептик, несомненно, скажет: «Ну конечно! Согласно популярному суеверию, Пифагор был перевоплощением героя Эвфорба, сражавшегося в троянской войне; так что, естественно, юный индеец был воплощением героя Паламида! Одна легенда просто породила другую». Но тогда, если быть последовательным, воплощением Паламида должен был быть сам Аполлоний, а не безымянный индийский аскет.

Тем не менее Аполлоний возродил культ Ахилесса и воздвиг часовню, в которой он установил некогда потерянную статую Паламида¹. Согласно учению о невидимом мире, в которое был посвящен Аполлоний, герои троянского периода все еще имели связь с Грецией. И если скептик-протестант пропустит это мимо ушей, то читатель-католик сможет разделить это мнение, если заменит слово «герой» на «святой». Быть может, внимание, которое

¹ Он также выстроил ограду вокруг могилы Леонида в Фермопилах (IV, 23).

Аполлоний уделял могилам и монументам греческих героев, было обусловлено теми же идеями, которые привели верующих к строительству бесчисленных дагоб и ступ в буддийских странах — сначала над останками Будды, а потом и для сохранения останков архатов и великих учителей?

На Лесбосе Аполлоний посетил древний храм орфических мистерий, который в свое время был знаменитым центром пророчеств и предсказаний. В храме ему было позволено вступить во внутреннее святилище, или святая святых (IV, 14).

В Афины Аполлоний прибыл во время проведения Элевсинских мистерий, и, несмотря на празднество и ритуалы, не только народ, но и посвящаемые сбегались ему навстречу, позабыв о своем религиозном долге. Аполлоний сделал им наставления по этому поводу и сам принял участие в необходимых подготовительных ритуалах и в посвящении.

Читатель, возможно, удивится тому, что Аполлоний, посвященный в мистерии, которые выше, нежели Элевсинии, участво-

вал в обряде посвящения. Но причину найти нетрудно: Элевсинские мистерии представляли собой посредника между народными культами и сокровенным знанием. В них сохранялись многие древние традиции, хотя служители мистерий, разумеется, не могли помнить все известное их предшественникам. Чтобы вернуть таким древним обрядам чистоту (или первоначальный смысл), следовало войти в организацию — человек со стороны не был бы услышан. Аполлоний захотел поддержать древний элевсинский институт, продемонстрировав желание посвящения, — личной цели он не преследовал.

Но, по всей видимости, тогдашний иерофант был слишком невежественным, или откровенно завидовал огромному авторитету Аполлония, — он отказал философу на том основании, что признает в нем колдуна (*γόνος*), а, значит, не может дать посвящение тому, кто спутался с силами зла (*γ*). На такое обвинение Аполлоний ответил со скрытой иронией: «Вы упустили самое серьезное обвинение против меня: я знаю

об этом культе гораздо больше, чем его иерофант, но притворяюсь, потому что жажду посвящения от людей, знающих больше меня». Это обвинение могло бы быть правдивым, — Аполлоний действительно притворялся. Иерофант испугался высказывания и возмущения людей из-за нанесенного их почтенному гостю оскорбления. Испытывая благоговейный страх перед знанием, отрицать которое было больше невозможно, он позволил философу принять посвящение. Но Аполлоний отказался, ответив: «Меня посвятят позже, — он посвятит меня». Вероятно, это было сказано о следующем иерофанте, который вступил во власть четыре года спустя, когда Аполлоний принял посвящение (IV, 18; v. 19).

В Афинах Аполлоний резко выступал против порочных изысков вакханалий и жестокости гладиаторских боев (IV, 21, 22).

Все упомянутые Филостратом храмы, которые Аполлоний посетил в Греции, отличались тем, что были очень древними, например, Додона, Дельфы, древний храм

Аполлона в Эбее, «пещеры» Амфиария¹ и Трофония, храм Муз на Геликоне.

Когда Аполлоний вступал в святая святых этих храмов с целью «восстановления» обрядов, его сопровождали лишь жрецы и некоторые из ближайших учеников (*γνώριχοι*). Этот факт придает дополнительное значение слову «восстановление», или «реформирование». Он освящал множество мест, при мысли об этом нам остается лишь думать, что частью его деятельности было повторное освящение и, следовательно, нравственное возрождение людей возле этих древних святынь. Наставления же были главной видимой частью его работы. Филострат по этому говорит следующую фразу: «Чаши его слов были расставлены повсюду для тех, кто хотел из них отпить» (IV, 24).

Аполлоний не только восстанавливал древние религиозные обряды, но и уделял большое внимание древним политическим институтам. Например, он успешно за-

¹ Знаменитый центр толкования снов (см. II, 37).

ставляет спартанцев вернуться к их дорическим традициям с атлетическими упражнениями, с умеренностью и дисциплиной (IV, 27, 31-34); кроме того, он особо ценил институт олимпийских игр, которые в те времена еще поддерживали свой высокий статус (IV, 29). Философ призывал древний Амфикиционный совет вернуться к своим обязанностям (IV, 23) и исправлял нарушения в работе Панионийского собрания (IV, 5).

Весной 66 года он отправился из Греции на Крит, где провел большую часть своего времени в святилищах на горе Ида и в храме Эскулапа в Лебене («ибо как вся Азия посещает Пергам, так и весь Крит посещает Лебену»). Любопытно, что он отказался посетить знаменитый Лабиринт в Гноссе, остатки которого недавно были открыты для поколения скептиков. Быть может (если тут позволительно строить догадки), его отказ продиктован тем, что когда-то Лабиринт был центром человеческих жертвоприношений и принадлежал к одному из древних культов сомнительно-

го характера.

В Риме Аполлоний продолжил работу по реформированию храмов при полной поддержке понтифика Максима Телесиния, одного из консулов, правивших в 66 г. Телесиний был тоже философом и серьезно изучал религию (IV, 40). Но пребывание в Риме пришлось внезапно прервать, так как в октябре итогом нероновских гонений на философов был указ об их изгнании из Рима. Телесинию (VII, 11) и Аполлонию пришлось покинуть Италию.

Затем мы находим Аполлония в Испании, где он остановился в храме Геркулеса в Кадисе. По возвращении в Грецию через Африку и Сицилию (где во время непродолжительной остановки он посетил Этну), Аполлоний провел зиму (67 г.?) в Элевсии. Здесь он жил в одном из храмов, а весной следующего года отплыл в Александрию, проведя по пути некоторое время на Родосе. Знаменитый город философии и эклектизма встретил Аполлония с добрым гостеприимством, как старого друга.

Однако в Египте реформирование об-

ественных культов оказалось куда более трудной задачей из тех, что вставляли перед ним ранее. Его присутствие в храме (Серапия?) вызывало всеобщее почтение, казалось, что все, связанное с ним, его каждое слово создавали атмосферу мудрости и «чего-то божественного». Но верховный жрец храма отнесся к Аполлонию снисходительно. «У кого хватит мудрости, — насмешливо спросил он, — чтобы реформировать религию египтян?» — и услышал уверенный ответ Аполлония: «У любого мудреца, приехавшего из Индии». Здесь, как и повсюду, Аполлоний выступал против кровавых жертвоприношений и пытался заменить их моделями жертв, выполненных из ладана (V, 25). Он старался исправить многое в поведенческом характере жителей Александрии, но более всего был непреклонен в отношении их дикого поведения на скачках, которое порой приводило к кровопролитию (V, 26).

Вероятно, последние двадцать лет жизни Аполлоний провел в Египте. Что он делал в тайных святилищах этой земли чудес?

Филострат нам об этом не сообщает. Мы узнаем лишь, что во время продолжительного путешествия Аполлония в Эфиопию по Нилу не осталось ни одного города, храма или общины, которых бы он не посетил, и повсюду он давал советы и наставления по религиозным вопросам (V, 43).

• Часть X •

ГИМНОСОФИСТЫ ВЕРХНЕГО ЕГИПТА

Теперь перейдем к посещению Аполлонием «гимнософистов» в «Эфиопии». Какой бы ни представлялась Филострату цель путешествия Аполлония в Египет, само путешествие есть лишь эпизод из жизни загадочного философа в этой древней стране (причем об этом периоде жизни Аполлония не сохранилось никаких достоверных записей).

Если бы Филострат посвятил хотя бы несколько глав практикам и доктринам бесчисленных общин мистиков и аскетов, которыми был наводнен Египет и сопре-

дельные страны в те дни, то он бы снискал бесконечную благодарность ученых. Но об этом Филострат не говорит ни слова; и все же у нас создается впечатление, что воспоминания Дамиса представляют собой записи о реальных событиях. Правда, совершенно очевидно, что в этом путешествии Дамис был скорее компаньоном по путешествию, нежели посвященным учеником.

Кто же были эти загадочные «гимнософисты», как их обычно называли, и откуда взялось это название? Дамис называет их просто «голыми» (*γυμνοί*), но под таким названием не следует понимать чисто физической наготы. И в самом деле, как следует из описаний Дамиса и Филострата, ни к индийцам, ни к аскетам Верхнего Египта нельзя применять это понятие в прямом смысловом значении. Случайная фраза, срывающаяся с уст одного из этих аскетов, когда он рассказывает историю своей жизни, дает нам ключ к пониманию значения слова. «В четырнадцать лет, — говорит он Аполлонию, — я отказался от

своего имущества в пользу тех, кто жаждет подобных вещей, и, голый, стал искать Голых» (VI, 16)¹.

Такое же понятие использует Филий, рассказывая об общинах терапевтов, которых, по его словам, было очень много в египетских провинциях, да и в целом в разных странах. Правда, мы не считаем, что эти общины имели одинаковый характер. Очевидно, что Филий пытается представить наиболее добродетельной и самой главной из них — свою общину на южном берегу озера Мерис, которая имела откровенно семитский, если не ортодоксально иудейский характер. Для Филия любая община с иудейским духом, естественно, была лучшей.

Главной особенностью же общины, о которой мы говорим, является то, что она

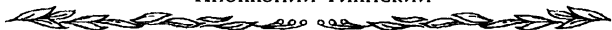
¹ Обычно слово *γυμνός* («голый») употреблялось в значении «легко одетый». Скажем, если говорится, что человек пашет землю «голый», то имеется в виду, что на нем только один предмет одежды. Это очевидно из сравнения одежды гимнасофистов и одежды, которую носят в Афинах в жаркую погоду (VI, 6).

находилась на самом краю страны, за порогами Нила, и имела некоторое отдаленное отношение к Индии.

Общину называли *φροντιστήριον*, то есть «место для размышления» — термин, используемый христианскими авторами для обозначения монастыря; а еще известный студентам-классикам по «Облакам» Аристофана, в которых он с юмором называет школу Сократа *phrontisterion*, или «мыслительная лавка». Скопление *monasteria*, «монастырей» (*ἱερά*), пещер, келий и усыпальниц¹ располагалось на холме недалеко от Нила. Их расположение было продуманным и отделенным друг от друга. На холме практически не было деревьев, за исключением небольшой группы пальм, под тенью которых аскеты проводили свои общие собрания (VI, 6).

Из обработанных или составленных Дамисом-Филостратом речей, вложенных

¹ Так как аскеты жили не в хижинах или домах, но под открытым небом.

в уста главы общины и Аполлония (VI, 10-13, 18-22), нелегко почерпнуть какие-либо достоверные детали об образе жизни аскетов, за исключением общих указаний на тяжелый труд и физические лишения, которые они считали единственными способами достижения мудрости. Каков был характер их культа, если таковой существовал, нам не сообщают. Мы знаем лишь тот факт, что в полдень «голые» расходились по своим «монастырям» (VI, 14).

Однако суть речей Аполлония сводится к тому, чтобы напомнить общине о восточном происхождении и былой связи с Индией, которая теперь позабыта. Общины такого типа существовали в Южном Египте и Северной Эфиопии предположительно несколько веков. Некоторые из них, возможно, были когда-то буддийскими, ибо один из юных членов общины, который оставил ее и пошел за Аполлонием, говорит, что присоединился к общине благодаря восторженному рассказу своего отца о мудрости индийцев (отец был капитаном торгового судна, плававшего на Восток).

Именно отец юноши рассказал, что эти «эфиопы» пришли из Индии, и юноша присоединился к ним вместо того, чтобы совершать длительное и опасное путешествие в самую Индию (VI, 16).

Если в этой истории есть хотя бы доля истины, то основателями общины были индийские аскеты, и если это так, то они должны были принадлежать к единственной пропагандирующейся форме индийской религии — буддизму.

Получив первоначальный импульс, эти общины, состоявшие предположительно из египтян, арабов и эфиопов, жили собственной, отдельной от посторонних глаз жизнью и со временем забыли о своем происхождении и, возможно, об изначальных обрядах и правилах. Подобные предположения допустимы благодаря повторяющемуся утверждению об исконной связи между этими гимнософистами и Индией.

Последний случай, записанный Филостратом в связи со святилищами и храмами, — это посещение Аполлонием древнего и знаменитого Трофонийского оракула в

окрестностях Лебадии, в Беотии. Аполлоний якобы провел в одиночестве семь дней в этой таинственной «пещере», а вернулся с целой книгой вопросов и ответов на тему «философии» (VIII, 19). Во времена Филострата эта книга еще хранилась во дворце Гадриана в Антиуме вместе с большим количеством писем Аполлония, и многие специально приезжали в Антиум исключительно с целью взглянуть на нее (VIII, 19, 20).

Но и в стогу сена из невероятных небылиц, торжественно возводимого Филостратом вокруг пещеры Трофония, можно отыскать крохотную иголку истины. Вероятно, «пещера» эта была либо древним храмом, либо усыпальницей, вырытой внутри горы. Попасть в нее можно было по длинным подземным ходам. Возможно, в древние времена пещера Трофония была одним из важнейших центров архаического культа Эллады, возникшего за несколько тысячелетий до нашей эры. Как заверяет нас Платон, она считается единственной традицией, которая была пере-

дана Солону жрецами Саиса. Или, возможно, пещера была подземным храмом того же типа, что и знаменитая Диктеанская пещера на Крите, которую обнаружили лишь в прошлом году благодаря неослабным трудам гг. Эванса и Хогарта.

Как и в случае с путешествиями Аполлония, Филострат показывает себя совершенно негодным чичероне, когда речь заходит о храмах и общинах, которые посещал философ. Трудно судить, виноват ли он в этом. Ведь самая важная и интересная деятельность Аполлония имела столь сокровенную природу и проводилась среди обществ, в которых так ревностно охранялись тайны, что посторонний ничего не мог об этом знать, а те, кто был посвящен, не мог, в свою очередь, ничего рассказывать.

Следовательно, мы находим точный исторический след Аполлония только тогда, когда он совершает какой-либо публичный поступок; во всех прочих случаях он удаляется в святилище храма или религиозной общины и теряется из виду. Может

показаться удивительным, что Аполлоний, отказавшись от своего состояния, тем не менее мог совершать столь длительные путешествия, но, вероятно, ему помогали в храмах (VIII, 17), как известно, во многих местах, где останавливался философ, он пользовался гостеприимством.

В завершение этой темы мы можем упомянуть о доброй услуге, оказанной Аполлонием жителям городов южного побережья Геллеспонта: однажды он изгнал неких халдейских и египетских шарлатанов, которые делали деньги на страхе местных жителей. Города обозначенной местности серьезно пострадали от землетрясения, и их жители в панике отдавали большие суммы денег этим авантюристам (которые «торговали чужими бедами»), дабы те выполнили обряды, которые умилоостивят стихию (VI, 41).

Получение денег за наставление в священной науке или за выполнение священных обрядов считалось настоящими философами самым отвратительным преступлением.

• Часть XI •

АПОЛЛОНИЙ И ПРАВИТЕЛИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Аполлоний не только воскрешал и заново освящал древние религиозные центры, способствуя развитию религиозной жизни того времени, но и оказывал в своем роде определенное влияние на судьбы Римской империи через личности ее верховных правителей.

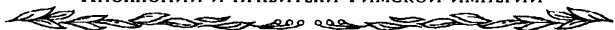
Это влияние неизменно имело моральный, а не политический характер. Оно осуществлялось посредством философских бесед и наставлений, посредством слова и мысли. Подобно тому, как Аполлоний во

время путешествий беседовал с царями¹ и судьями о философии, о жизни мудрых и об обязанностях мудрого правителя, он точно так же старался дать добрый совет тем императорам, которые готовы были его слушать.

Веспасиан, Тит и Нерва до того, как надеть порфиру, были друзьями и почитателями Аполлония, тогда как Нерон и Домициан смотрели на философа со страхом.

Во время недолгого пребывания Аполлония в Риме в 66 году, хотя он и не произнес ни слова, которое многочисленные информаторы могли бы истолковать как изменническое заявление, он был вызван к Тигеллинию, бесчестному фавориту Нерона, и подвергнут суровому перекрестному допросу. Аполлоний же в этот период жизни, думая о будущем, посвящал все свое время и внимание исключительно реформированию религии и восстановлению древ-

¹ Сообщается, что он провел не менее чем год и восемь месяцев у Вардана, вавилонского царя, и был почетным гостем индийского раджи «Фраота».

них национальных институтов. Однако тираническое правление Нерона, который не оставил в покое даже самых безупречных философов, раскрыло Аполлонию глаза на другое зло, нежели, чем несохранение святынь, а именно на подавление свободы безответственной тиранией. Начиная с этого времени, он проявляет активный интерес к личностям императоров.

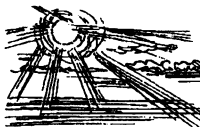
Дамис, хотя и признается в полном незнании целей поездки учителя в Испанию (после его изгнания из Рима), но предполагает о намерении Аполлония оказать помощь готовящемуся восстанию против Нерона. Он делает этот вывод после тайной трехдневной встречи Аполлония с губернатором провинции Бетика. Губернатор, в свою очередь, приехал в Кадис исключительно для встречи с Аполлонием; известно, что последние слова гостя были: «Прощай и вспоминай Виндекса» (V, 10). Действительно, почти сразу после этой встречи вспыхнуло восстание во главе с Виндексом, губернатором Галлии. Это примечательный факт, ведь характер и дея-

тельность Аполлония были несовместимы с самой идеей политических интриг. И тем не менее он открыто противостоял тирании и несправедливости. Выступал против идеи Эвфрата, философа совершенно иного склада, который собирался положить конец монархии и восстановить республику (V, 33). Аполлоний считал, что для Римской империи лучше всего подходит монархическое правление, и в первую очередь желал увидеть, как «человеческое стадо» ведет «мудрый и верный пастырь» (V, 35).

Поэтому поначалу Аполлоний поддерживал Веспасиана, стараясь воплотить в нем этот идеал, но, когда император лишил греческие города их привилегий, он резко упрекнул его: «Ты поработил Грецию. Ты превратил свободных людей в рабов» (V, 41). Несмотря на эти упреки, Веспасиан в своем последнем письме к сыну Титу признается, что всеми своими успехам он обязан исключительно добрым советам Аполлония (V, 30).

В Риме философ лицом к лицу встречался с Домицианом; и, хотя Аполлоний

предстал перед судом, где изо всех сил пытались доказать его участие в изменническом заговоре Нервы, его так и не смогли обвинить в чем-либо политическом. Нерва был хорошим человеком, сказал философ императору, а не изменником. По всей видимости, Домициан не думал, что Аполлоний лично участвовал в заговоре. Скорее всего он заключил философа в тюрьму исключительно в надежде, что таким образом сможет склонить Аполлония к раскрытию тайны Нервы и других знаменитых людей, которые казались ему подозрительными и которые, как он воображал, советовались с Аполлонием относительно шансов на успех. Однако Аполлоний беседовал не с политиками, а с «выдающимися людьми, которые спрашивали у него советов по вопросам добродетели» (VI, 43).

• Часть XII •

АПОЛЛОНИЙ — ПРОРОК И ЧУДОТВОРЕЦ

А теперь уделим внимание той стороне жизни Аполлония, которая сделала его объектом непобедимых предубеждений. Аполлоний был не только философом, то есть мыслителем-теоретиком, или приверженцем определенных воззрений и образа жизни, основанных на дисциплине смирения; он был еще и философом в первоначальном пифагорейском значении этого слова, знатоком тайн Природы, и мог говорить о них с полным авторитетом.

Аполлоний знал силу Природного мира не понаслышке; для него путь философии

состоял в жизни, при которой сам человек становится инструментом познания. Религия для Аполлония стала не только верой, но и наукой. Вещественный мир был для него лишь постоянно изменяющейся видимостью; культы и обряды, религии и верования в совокупности стали для философа воплощением духа. Аполлоний не знал различий по расе или племени — такие узкие ограничения не могли существовать в философском познании.

Он бы громко рассмеялся, если бы слышал применительно к своим деяниям слово «чудо». Понятие «чуда» в его христианском теологическом смысле было неизвестно в античности и является признаком современных суеверий. Многие люди верят, что возможно духовной силой производить множество удивительного, недоступного науке, которую сводят исключительно к исследованию физических сил. Самые же легкомысленные верят, что можно каким-либо образом вмешаться в действие законов, которые Божеством установлены в Природе, — вот кредо верящих в чудеса.

Многие известные «чудеса» Аполлония являются случаями пророчества или предвидения; видения на расстоянии и видения прошлого; случаями зрительных и слуховых видений; случаями исцеления больных и избавления от одержимости.

Еще в юности, в эгейском храме, Аполлоний проявлял особенные интуитивные способности; он не только правильно разгадал природу и сущность просителя — богатого человека с темным прошлым, который молил о возвращении зрения, но и предсказал, хотя и неопределенно, дурной конец того, кто когда-то подвинул просителя на несправедный путь (I, 12).

Когда он познакомился с Дамисом, своим будущим преданным спутником, тот предложил Аполлонию услуги переводчика в долгом путешествии по Индии, сославшись на то, что знал языки некоторых стран, через которые им предстояло пройти. «Я тоже понимаю их все, хотя и не учил, — ответил Аполлоний в своей обычной загадочной манере и добавил: — Удивительно не то, что я знаю все языки людей, но я

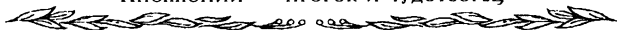
знаю даже то, что они не говорят» (I, 19). Этим он хотел сказать, что может читать мысли, а не то, что умеет говорить на всех языках. Но Дамис и Филострат не могли осознать столь простое проявление психического опыта; они решили, что Аполлоний знал не только языки всех народов, но также язык зверей и птиц (I, 20).

В разговоре с вавилонским царем Варданом Аполлоний определенно проявляет дар предвидения. Он говорит, что является врачевателем души и может освободить царя от болезней сознания не только потому, что знает, как нужно действовать (имея в виду предписания пифагорейской и других школ), но и потому, что предвидит природу царя (I, 32). И в самом деле, нам сообщают, что тема предвидения (*προϋν-ώσεως*) в науке (*σοφία*), которую Аполлоний внимательно изучал, была одной из основных тем, обсуждаемых философом и его индийскими друзьями (III, 42).

На самом деле, как говорит Аполлоний своему другу, философу и ученому, римскому консулу Телесинию, для него мудрость была

своего рода обожествлением всей природы, постоянным состоянием вдохновения (*θειασμός*) (IV, 40). Еще нам сообщают, что все природные явления Аполлоний воспринимал с помощью энергии своего демонического естества (*δαμονίως*) (VII, 10). В пифагорейской и платонической школах под «даймоном» человека понималось то, что можно назвать «высшим Я» духовной стороны души (в отличие от физической сути). Это — высшее начало человека. Когда же его физическое состояние объединяется с этим «небожителем», человек (согласно высшей мистической философии древней Греции) по-прежнему пребывая на земле, обретает могущество тех бестелесных посредников между богами и людьми, которых называют «даймонами». На следующей ступени человек сливается со своей божественной душой и становится богом на земле; а на более высокой стадии он сливается с Добром и таким образом становится богом.

Поэтому мы видим, что Аполлоний решительно отвергает выдвигаемые против него невежественные обвинения в магии — та-

ком искусстве, когда результаты достигаются по согласию с теми низшими существами, которые кишат на поверхностной оболочке Природного мира. Наш философ опровергал и слова о том, что он является предсказателем. С искусством такого рода он не имел ничего общего; когда же он говорил что-либо свидетельствующее о даре предвидения, то это было не предсказание в прямом смысле слова, а проявление «той мудрости, что Бог открывает мудрым» (IV, 44).

Большинство чудес, приписываемых Аполлонию, как раз и являются случаями такого предвидения, или пророчества¹. Следует признать, что записанные за ним высказывания часто звучат неясно и загадочно, но тому, как известно, есть объяснение. Ведь будущее наиболее часто видят в символических образах, значение которых остается неясным, пока не произойдет само событие, или же слышат в виде столь же

¹ См. I, 22 (ср. 40), 34; IV, 4, 6, 18 (ср. V, 19), 24, 43; V, 7, 11, 13, 30, 37; VI, 32; VIII, 26.

загадочных по природе сентенций. Бывают моменты предвидения и более осязаемого характера, например отказ Аполлония взойти на борт корабля, который во время плавания пошел ко дну (V, 18).

Случаи же видения событий, происходящих на расстоянии, например пожар храма в Риме, который Аполлоний видел, находясь в Александрии, достаточно очевидны. И действительно, если люди больше ничего не знали об Аполлонии, то все они слышали, как он, находясь в Эфесе, видел убийство Домициана в Риме в самый момент его совершения.

В своем красочном рассказе Филострат сообщает, что был полдень, а Аполлоний в одном из небольших пригородных парков или рощ произносил речь на некую захватывающую философскую тему. «Сначала он понизил голос, словно в каком-то мрачном предчувствии; потом он продолжил свое выступление, но запинаясь и с меньшей энергией, чем обычно, — как человек, который думает не о том, о чем говорит; наконец он совсем замолчал, будто не

мог найти слов. А потом, пристально глядя на землю, сделал три-четыре шага вперед, крича: «Поразите тирана, порадите!» При этом он вел себя не как человек, видящий картину в зеркале, но как если бы сцена действительно была у него перед глазами, как если бы он сам принимал в ней участие».

Повернувшись к изумленным слушателям, он рассказал им о том, что видел. Им хотелось надеяться, что это правда, но они отказывались верить и подумали, что Аполлоний лишился рассудка. Философ же спокойно сказал, что они могут воздерживаться от радости, пока новость не дойдет до них обычным путем; «Я же воздаю хвалу богам за то, что увидел» (VIII, 26).

Но более удивительно не количество символических видений, а их правильное толкование, последнее является одной из главных областей эзотерической дисциплины. (См. особенно I, 23 и IV, 34). Поэтому становится понятным, почему Аполлоний, полагаясь исключительно на свое внутреннее знание, смог добиться оправдания в Александрии невинного человека,

которого собирались казнить вместе с шайкой преступников (V, 24). Похоже, он действительно знал о прошлом многих людей, с которыми вступал в контакт (VI, 3, 5).

Возможность обладать такими способностями почти не удивляет наше поколение, которое с каждым днем знакомится с новыми необычайными фактами духовной науки. У нас не вызывают удивления ни случаи излечения болезней с помощью месмеризма, ни даже так называемое «изгнание злых духов», если мы доверяем Евангелию и знакомы с общей историей того времени, когда подобное излечение одержимости было обычным делом. Но это вовсе не означает, что нужно доверять фантастическим описаниям подобных событий, которыми так злоупотребляет Филострат. Философ мог действительно преуспеть в излечении людей с такими психическими заболеваниями, как одержимость и наваждение, понимая и устраняя прежде всего их причину. В наши дни такими больными переполнены клиники и психиатрические лечебницы, и официаль-

ная медицина не в состоянии помочь им, пренебрегая реальными причинами болезни. Дамис же и Филострат, по всей вероятности, также плохо понимали суть дела и в рассказах о подобных исцелениях Аполлония давали полную волю своему воображению. (см. II, 4; IV, 20, 25; V, 42; VI, 27, 43). Правда, есть вероятность, что в ряде случаев Филострат просто повторяет популярные легенды. Лучший пример тому — избавление Эфеса от чумы, которую Аполлоний неоднократно предсказывал. Легенда гласит, что чума началась из-за старого нищего, которого разъяренные жители Эфеса похоронили под грудой камней. По просьбе Аполлония камни убрали, и обнаружилось, что вместо нищего под ними находился бешеный пес (IV, 10)!

Другой пример — о «возвращении к жизни». Из более сдержанного рассказа мы узнаем о том, как однажды Аполлоний вернул жизнь девушке из благородной римской семьи. Наш философ встретил похоронную процессию случайно. Он подошел к носилкам, сделал над девушкой не-

которые пассы и произнес несколько неразборчивых слов, «пробудивших ее из кажущейся смерти». Но, продолжает Дамис, «заметил ли Аполлоний вначале еще теплившуюся искорку жизни, не замеченную подругами девушки, — говорят, что шел несильный дождь, и на ее лице выступил легкий пот, — или же он вдохнул в нее жизнь заново и таким образом воскресил ее», — этого не мог сказать ни он сам, ни кто-либо из присутствующих (IV, 45).

Более удивительными представляются истории о том, как Аполлоний заставил исчезнуть надпись с табличек у одного из своих обвинителей на суде Тигеллина (IV, 44). Далее, как он вытащил ногу из кандалов, показывая Дамису, что на самом деле он не в плену, несмотря на то что сидит в тюрьме Домициана (VII, 38). Примечателен и рассказ об «исчезновении» (ἡφανίσθη) философа с суда (VIII, 5).¹

¹ Возможно, это выражение используется чисто риторически, так как в VIII, 8 этот случай описывается простыми словами: «когда он ушел (ἀπῆλθε) с суда».

Мы, однако, не считаем, что Аполлоний вследствие преданности сокровенной науке пренебрегал изучением физических явлений. Напротив, известно несколько случаев, когда он отвергал мифологию в пользу физического объяснения природных явлений. Таковы, например, его объяснения вулканической активности Этны (V, 14, 17) и морских приливов на Крите — последнее сопровождалось точным указанием предстоящих результатов этого явления. И в самом деле, как выяснилось впоследствии, остров действительно был заброшен далеко в море из-за волнений подводной стихии (IV, 34). К таким же объяснениям физической природы некоторых явлений можно отнести и толкования причин наводнений в Кадисе (V, 2).

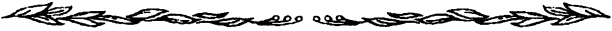

• Часть XIII •

ОБРАЗ ЖИЗНИ ФИЛОСОФА

Попробуем охарактеризовать некоторые черты образа жизни Аполлония, а также его манеры обучения, о чем уже частично рассказывалось в главе «Юность». Наш философ был восторженным последователем учения Пифагора; по этому поводу Филострат утверждает, что Аполлоний прилагал большие усилия для достижения мудрости, нежели сам великий самосянин (I, 2). Наш автор перечисляет внешние атрибуты этого учения на примере поведения Пифагора: «Он не носил ничего, сделанного из мертвых животных, не притрагивался к тому, что когда-то было живым, и не при-

носил его в жертву. Он не пачкал алтари кровью, но жертвовал медовые лепешки и ладан, а его песня поднималась к богам, так как он хорошо знал, что они охотнее примут подобные дары, нежели сотню быков, заколотых ножом. Ведь он действительно беседовал с богами и узнал при этом, когда они довольны людьми, а когда — недовольны. Что же до остальных, говорил он, то они только гадают о сути божественного, а их представления о богах оказываются ложными. Но к нему сходил сам Аполлон, признавшись в этом, и без маски¹, а также являлись, хотя и не открываясь, Афина, и Музы, и другие боги, чьих обличий и имен люди еще не знают».

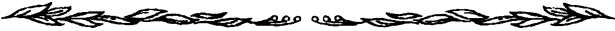
Ученики считали Пифагора вдохновенным учителем и воспринимали его правила как законы. «В особенности они соблюдали правило молчания в отношении божественного знания. Ибо они слышали внутри себя разные божественные и не-

¹ То есть не в какой-либо «форме», а в своем истинном облике.

выразимые вещи, о которых было бы очень трудно умолчать, если не знать, что их произносит именно это молчание» (I, 1).

Так в общих чертах описывали природу учения Пифагора его ученики. Но Аполлоний в обращении к гимнософистам говорит, что учение это придумал не Пифагор; что это была бессмертная мудрость, которую Пифагор узнал от индийцев¹. Эта мудрость, продолжает он, разговаривала с Пифагором в юности; при этом он услышал следующее: «Для разумного человека, юный господин, во мне нет никаких тайн, — моя чаша наполнена до самых краев упорными трудами. Если кто-нибудь примет мой образ жизни, он должен изгнать со своего стола всю пищу, которая когда-то была живой, забыть о вкусе вина и таким образом не осквернять более чашу мудрости — чашу, состоящую из неиспорченных вином душ. Его не должна согреть ни шерсть,

¹ См. в этой связи L. v. Schroeder, *Pythagoras und die Inder, eine Untersuchung über Herkunft und Abstammung der pythagoreischen Lehren* (Leipzig, 1884).

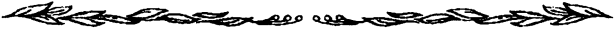

ни одежда, сделанная из любого зверя. Я даю своим слугам лубяную обувь, в которой они могут и спать. А если я вижу, что они истощены любовными утехами, у меня есть наготове ямы, в которые та справедливость, что упорно следует по пятам мудрости, тянет и сталкивает их. Я настолько сурова с теми, кто выбирает мой путь, что даже сковываю цепью их языки. А теперь послушай, чего ты достигнешь, если вынесешь испытания. Внутреннее чувство соответствия и правоты — ты никогда не будешь ощущать, что чья-то участь лучше, чем твоя; тираны будут умирать от страха, а ты не будешь больше испуганным рабом тирании; боги будут гораздо щедрее благословлять твои скудные дары, а не тех, кто проливает перед ними кровь быков. Если ты чист, я научу тебя тому, что тебе нужно, и наполню твои глаза таким ярким светом, что ты сможешь видеть богов и героев и распознавать призрачные формы, которые притворяются тенями людей» (VI, 11).

Вся жизнь Аполлония показывает, что он старался следовать этим правилам.

Мы встречаем неоднократные упоминания о том, что он никогда не участвовал в кровавых жертвоприношениях народных культов (см. особенно I, 24, 31; IV, 11; V, 25), но открыто осуждал их. Мы узнаем, что представители пифагорейской школы не только демонстрировали пример более чистых жертвоприношений, но и что они вовсе не осуждались и не преследовались как еретики. Напротив, считалось, что они обладают особой святостью и ведут более правильный образ жизни, чем простые смертные.

Отказ от мяса животных основывался не только на идеях чистоты, — он объяснялся дополнительным доказательством истинной любви к низшим царствам и категоричным отрицанием причинения боли любому живому существу. Так, Аполлоний отказался принять участие в охоте, куда его пригласил царь Вавилона. «Ваше величество, — ответил он, — вы разве забыли, что я не присутствую даже на ваших жертвоприношениях? Еще меньше мне хотелось бы смерти этих зверей, особенно когда дух их

сломлен и они загнаны в загон, что противоречит самой их природе» (I, 38)¹.

Несмотря на то что Аполлоний был недремлющим надсмотрщиком за самим собой, он не желал навязывать свой образ жизни другим, даже ближайшим друзьям и товарищам (если только они не принимали такой образ жизни добровольно). Так, он говорил Дамису, что не запрещает ему употреблять мясо и пить вино, но оставляет за собой право воздерживаться от этого и отстаивать свое поведение, если ему придется выступать по этому поводу (II, 7). Этот факт еще раз указывает на то, что Дамис не входил в узкий круг посвященных. Что же касается употребления мяса и вина Дамисом, то это, в свою очередь, объясняет, почему столь верный попутчик Аполлония был тем не менее таким невежественным.

Более того, Аполлоний даже отговаривает раджу Фраотеса, первого кого он посетил в Индии, от принятия своих строгих

¹ Эти слова относятся к охотничьим заповедникам, или «раям», вавилонских монархов.

правил поведения — на том основании, что это отдалит раджу от его подданных (II, 37).

Аполлоний молился и медитировал три раза в день — на рассвете (VI, 10, 18; VII, 31), в полдень (VII, 10) и на закате (VIII, 13). Похоже, он никогда не изменял этому обычаю и, где бы ни был, всегда находил время для медитации в полном молчании. Говорят, что предметом его поклонения было «Солнце», то есть Господь нашего мира и сопредельных миров, чьим ярким символом и является дневное светило. В кратком очерке, посвященном его юности, мы заметили, как Аполлоний распределял свой день и свое время между разными типами слушателей и интересующихся. Стиль его обучения и произнесения речей был совершенно другим, нежели у риторов или громогласных ораторов. В его высказываниях не было заигрывания, он не стремился произвести эффект. Но он говорил, «словно с треножника», употребляя такие слова, как «я знаю», «мне кажется», «почему бы и нет», «вы должны знать». Его предложения были короткими и сжатыми, а слова

убеждали и соответствовали фактам. Аполлоний заявлял, что теперь видел свою задачу не в том, чтобы искать и задавать вопросы, как это было в юности, а в обучении тому, что он знал (I, 17). Он не использовал диалектику школы Сократа, но заставлял своих слушателей позабыть обо всем на свете и прислушаться к внутреннему голосу философии (IV, 2). Он использовал в качестве иллюстраций как случайные происшествия, так и самые обыденные случаи (IV, 3; VI, 3, 38), облегчая восприятие слушателям.

Перед судом он не стал готовиться к защите. Он жил так, что каждый день был готов к смерти (VIII, 30). Более того, это был его обдуманый шаг — бросить вызов смерти во имя философии. На настойчивые просьбы своего старого друга подготовить его защиту он ответил: «Дамис, ты, кажется, потерял разум перед лицом смерти, хотя ты уже долго находишься рядом со мной, а я полюбил философию еще в юности¹. Я думал, и ты приготовился к

¹ Вместо *φιλοσόφῃ* следует читать *φιλοσοφῶν*.

смерти и целиком понял мое полководческое искусство в этой области. Ведь воинам на поле боя нужна не только храбрость, но и искусство полководца, чтобы знать, когда следует начинать сражение. Так же и те, кто любит мудрость, должны тщательно выбирать подходящее время для смерти, чтобы выбрать самое лучшее и не быть застигнутыми смертью врасплох. Я выбрал подходящий момент для того, чтобы мудрость дала бой смерти, если случится так, что кто-либо захочет убить меня» (VII, 31).

Сказанное выше — лишь некоторые указания на то, как жил наш философ, — не боясь ничего, кроме измены своему идеалу. А теперь остановимся на некоторых чертах его личности и внешности, а также перечислим несколько имен его последователей.

• ЧАСТЬ XIV •
ФИЛОСОФ
И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

Нам сообщают, что Аполлоний был очень красивым (I, 7, 12; IV, 1)¹, но кроме этого замечания у нас нет точных описаний его внешности. Его поведение всегда было

¹ Г. Ратегебер в своей замечательной библиографической работе «Grossgriechenland und Pythagoras» (Гота, 1866) упоминает три предположительных портрета Аполлония (с. 621): а) в Указателе скульптур ватиканского музея Кампидольо (Рим, 1840) — №№ 75, 76, 77; б) в путеводителе по Королевскому музею Бурбонов, автор — Мишель Б. (Напле, 1837) — с. 79, №363; в) реверс медали, воспроизводимый Висконти. Мне не удалось проследить первую ссылку, но в путеводителе по Королевскому музею Бурбонов в переводе С.Ж.Ж. (Напле, 1831) я прочитал на с. 152, что № 363 —

мягким, добрым (I, 36; II, 22) и скромным (IV, 31; VIII, 15). Таким поведением, говорит Дамис, он больше напоминал индийца, чем грека (III, 36). Но иногда он все же взрывался гневом в ответ на особо грубые проявления кого-либо (IV, 30). Настроение у него часто бывало задумчивым (I, 34), и тогда он мало говорил и погружался в глубокие раздумья, глядя перед собой (I, 10 и др.).

Несмотря на то что Аполлоний был всегда строг к самому себе, он был спосо-

это бюст Аполлония, высотой $23\frac{3}{4}$ фута, тщательно выполненный, с головой как у Зевса, с бородой и длинными волосами, спадающими на плечи и крепко перехваченными лентой. Похоже, что бюст античный. Правда, мне не удалось найти его репродукцию. Э.К.Висконти в атласе своей Греческой иконографии (Париж, 1808), том I, илл. 17 к с. 68, приводит репродукцию медали с круглым ободком, на реверсе которой изображена голова Аполлония и латинская надпись APOLLONIUS TEANEUS. Тут наш философ также представлен с бородой и длинными волосами. Голова увенчана короной, а верхнюю часть туловища прикрывает туника и плащ философа. Правда, медаль — отвратительного качества, и портрет никак нельзя признать хорошим. В тексте Висконти уделяет Аполлонию сердитый и презрительный абзац, называя его «ce trop celebre imposteur», вслед за Де Тильемоном.

бен прощать других: если, с одной стороны, он хвалил за храбрость тех немногих, кто остался с ним в Риме, то с другой — не стал порицать за трусость тех, кто бежал (IV, 38). Но его доброта заключалась не только в простом воздержании от порицаний, — Аполлоний умел сострадать (ср. VI, 39).

Оказывается, философу очень нравилось, когда его называли «Тианиец», но почему — нам не сообщают. Вряд ли Аполлоний превозносил место своего рождения. Он действительно любил Грецию так, что порою хочется назвать его восторженным патриотом. И тем не менее любовь философа к другим странам также очевидна. Аполлоний был своего рода гражданином мира, не кричавшим слова «родина», и жрецом универсальной религии, поскольку для него не существовало слова «секта».

Как известно, он вел крайне аскетическую жизнь, но при этом был силен физически, и даже в возрасте восьмидесяти лет был здоров каждым суставом и органом, отличался отличным телосложением и

стройностью. Было в нем и некое обаяние, благодаря которому в любом возрасте на него было приятнее смотреть, нежели на юных. И это при том, что его лицо было изборождено морщинами, также как на его изваяниях в храме Тиан во времена Филострата. Красноречивый биограф сообщает, что молва воздавала большую хвалу очарованию старого Аполлония, чем красоте юного Алькибиада (VIII, 29).

Иными словами, наш философ обладал самой очаровательной внешностью и замечательным характером; а его полная преданность философии не имела ничего общего с идеалом отшельников, ибо он проводил свою жизнь среди людей. И как замечательно, что он привлек столько последователей и учеников! Было бы интересно, если бы Филострат рассказал нам много больше об этих «аполлонийцах», именно так их называли (VIII, 21). О том, составляли ли они отдельную школу, были ли сгруппированы по общинам наподобие пифагорейцев или же, напротив, являлись независимыми искателями философского зна-

ния самой авторитетной личности того времени. Достоверно известно, что многие из них носили такую же одежду, как Аполлоний, и следовали его образу жизни (IV, 39). Неоднократно упоминается, что ученики сопровождали Аполлония в его путешествиях (IV, 47; V, 21; VII, 19, 221, 24), порою по десять человек сразу, но им не разрешалось разговаривать друг с другом, пока они не выполнят обет молчания (V, 43).

Наиболее примечательным из его последователей был Музоний; его считали интереснейшим философом времен после Аполлония, именно он особо пострадал от тирании Нерона (IV, 44; V, 19; VII, 16); а также Деметрий, «который любил Аполлония» (IV, 25, 42; V, 19; VI, 31; VII, 10; VIII, 10). Эти имена хорошо известны историкам; что же касается неизвестных, то следует упомянуть египтянина Диоскорида, отставшего в длительном путешествии в Эфиопии из-за слабого здоровья (IV, 11, 38; V, 43); Мениппа, которого Аполлоний освободил от одержимости (IV, 25, 38; V, 43); Федимия (IV, 11); Нила — гимнософиста,

примкнувшего к Аполлонию (V, 10-28); и, конечно же, Дамиса, который, как мы полагаем, постоянно находился рядом с Аполлонием с первого знакомства в Нине.

В целом мы склонны думать, что Аполлоний не учреждал новой организации. Он работал с уже существующими, а его учениками были те, кто испытывал к философу особую привязанность и постоянно находился рядом с ним. Кажется вполне вероятным, что Аполлоний никого не готовил к продолжению своего дела. Философ, следуя своим убеждениям, ходил по земле, оказывая помощь и просвещая, при этом он не придерживался определенной традиции и не основал конкретной школы для своих преемников. Даже прощаясь со своим преданным спутником, зная, что больше никогда не увидит Дамиса, Аполлоний не сказал ему ни слова о деле, которому посвятил всю свою жизнь и которого Дамис, в свою очередь, так и не понял. Его последние слова предназначались исключительно Дамису-человеку, любившему его. Это было обещание прийти на помощь,

если она потребуется: «Дамис, всякий раз, когда во время уединенной медитации ты помыслишь о высоком — увидишь меня» (VIII, 28).

А теперь рассмотрим некоторые высказывания, приписываемые Аполлонию, и речи, которые вложил в его уста Филострат. Все короткие высказывания имеют традиционный характер, но речи в большей части являются ярко выраженной литературной обработкой безыскусных записей Дамиса. Нам ясно заявляют, что так оно и есть. И все же речи философа представляют не меньший интерес, по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, писатель честно признает характер (литературную обработку) таких речей, одновременно с тем, что при этой обработке им не делается никаких попыток передать собственное отношение к таким «речам». В результате получается следующее: писатель пытается накинуть литературное одеяние на традиционный стержень мыслей, поступков и образа жизни философа и его последователей.

В античности этот метод был общепринятым. Составители других известных древних документов наверняка бы были изумлены, увидев, как обожествляют потомки их деятельность, думая, что писатели были вдохновленными вселенской мудростью.

Во-вторых, хотя мы и не считаем, что на страницах сочинения — достоверные слова Аполлония, мы тем не менее ощущаем непосредственный контакт с внутренней атмосферой религиозной мысли Греции, и у нас перед глазами вырисовывается картина мистического и духовного процесса, охватившего все слои общества в I веке нашей эры.

• Часть XV •

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ И ПРОПОВЕДЕЙ ФИЛОСОФА

Аполлоний верил в молитву, но не в традиционном понимании. Для него представление о том, что боги по просьбам людей могли не следовать суровой справедливости, было богохульством. Так же была ему отвратительна идея, что боги могли принимать участие в осуществлении наших эгоистичных надежд и страхов. Аполлоний знал лишь одно: боги — служители справедливости, строго раздающие нам по заслугам. Всеобщая уверенность, бытующая и в наши дни, в том, что Бог может отклониться от Своего помысла, что с Ним или

с Его слугами можно заключать договоры, претила Аполлонию. Ведь существа, с которыми можно было заключать подобные сделки и которые уклонялись от праведного пути, были не боги, а те, кто стоит даже ниже людей. Вот что говорит молодой Аполлоний, беседуя со жрецами Эскулапа: «Так как боги знают обо всем, то я думаю, что тот, кто входит в храм с чистой совестью, должен молиться так: «О боги, воздайте мне по заслугам!» (I, 11).

В Вавилоне, по пути в Индию, он молился следующим образом: «О бог солнца, дай мне дойти так далеко, чтобы это было хорошо и для тебя, и для меня. И пусть я узнаю хороших людей и никогда не узнаю плохих, как и они не узнают меня» (I, 31).

Дамис рассказывает нам, что одна из его основных молитв звучала примерно так: «О боги, пусть я буду обладать малым и ничего не желать» (I, 34).

«О чем ты молишься, когдаходишь в храмы?» — спросил нашего философа понтифик Максим Телесиний. — «Я

молюсь о том, — сказал Аполлоний, — чтобы воцарилась справедливость, чтобы законы не нарушались, чтобы мудрые были бедными, а остальные — богатыми, но честными» (IV, 40). Вера философа в свой главный идеал — не иметь ничего и при этом все — подтверждается его ответом чиновнику, который спросил, как тот осмелится вступить на территорию Вавилона без дозволения. «Вся земля, — сказал Аполлоний, — моя; и мне позволено путешествовать по ней» (I, 21).

Аполлонию за его услуги предлагали деньги, но он неизменно отказывался от них; и его последователи тоже отказывались от всех подарков. Когда царь Вардан с присущей Востоку щедростью предложил им подарки, они отвернулись, а Аполлоний сказал: «Вот видишь, у меня много учеников, но все они похожи друг на друга». А когда царь спросил Аполлония, какой подарок он хотел бы увезти с собой из Индии, наш философ ответил: «Подарок, который понравится вам, ваше величество. Ибо если пребывание здесь

сделает меня мудрее, то я вернусь лучшим человеком, чем был до того» (I, 41).

Когда Аполлоний и Дамис пересекали высокие горы по пути в Индию, между ними состоялся разговор, подтверждающий то, как философ на примере будничных событий мог преподавать сокровенные уроки жизни. Вопрос касался слов «внизу» и «вверху». Дамис рассуждал, что вчера они были внизу, в долине, а сегодня — вверху, в горах, недалеко от неба. Аполлоний мягко проговорил: вот что ты имеешь в виду под «внизу» и «вверху». Дамис нетерпеливо возразил, что именно это, что он в здравом рассудке, и зачем ему задавать такие бесполезные вопросы? Наставник продолжал: а ты стал лучше понимать природу божественного, находясь ближе к небу, на вершинах гор? Ты думаешь, что те, кто наблюдает небо с горных высот, действительно ближе к пониманию вещей?

Павший духом Дамис ответил, что действительно думал, что станет мудрее, ибо находится гораздо выше всех людей, но

боится, что знает теперь не больше, чем до подъема на вершину.

Аполлоний ответил, что так же происходит с другими людьми: «они видят небо более ярким, звезды более крупными, и восход солнца ночью, — все это известно тем, кто пасет овец и коз. Но того, как Бог позаботился о человечестве и какое удовольствие Он получает от их служения; того, что есть добродетель, праведность и здравый смысл, — этого не раскроет Атос тем, кто восходит на его вершину, как не раскроет и Олимп, будоражащий воображение поэтов, пока все сказанное не будет воспринято душой. Ибо если бы чистая душа попыталась подняться на эти вершины, то, клянусь тебе, она взлетела бы гораздо выше этого величественного Кавказа» (II, 6).

Как-то раз в Фермопилах ученики Аполлония спорили о том, какое место в Греции самое высокое, и сошлись на горе Эта. В это время они как раз находились у подножия холма, на котором когда-то спартанцы полегли от вражеских стрел. Взобрав-

шись на его вершину, Аполлоний сказал: «А я думаю, что это место — самое высокое, ибо те, кто пал здесь ради свободы, поднял этот холм выше Эты и выше тысячи Олимпов» (IV, 23).

Следующий пример того, как философ использовал случайные происшествия для интересных толкований. Однажды во время прогулки по окрестностям Эфеса он говорил о том, что нужно делиться своими богатствами с другими и помогать друг другу. В это время на дереве в полнейшей тишине сидела стайка воробьев. Вдруг к ним подлетел еще один воробей и начал чирикать, словно бы хотел что-то рассказать. После этого все птицы тоже заволновались и улетели за новичком. Суеверная аудитория Аполлония была поражена таким поведением воробьев, увидев в нем предзнаменование какого-то важного события. Но философ продолжил проповедь. Воробей, сказал он, пригласил своих друзей на пир. В соседнем переулке мальчик поскользнулся и просыпал зерно, которое нес в чаше. Потом он по-

добрал почти все зерно и ушел. А маленький воробей, увидев несколько оставшихся зерен, тут же полетел пригласить своих друзей на пиршество.

Большая часть собравшихся побежала проверить, правда ли это. Когда же удивленные люди вернулись, философ продолжил: «Вот видите, как воробьи заботятся друг о друге, как они счастливы поделиться своими крохами. А мы, люди, — другие. Более того, если мы видим, как человек делится своим имуществом с другими, мы называем это расточительством, сумасбродством, а принимающих подарки — паразитами. Что же тогда нам остается, как не запереться в доме и, словно откармливаемой на убой птице, не набивать желудки по ночам, пока мы не лопнем от съеденного?» (IV, 3).

В другом случае, в Смирне, увидев грузящийся корабль, Аполлоний преподавал людям урок доброго сотрудничества друг с другом. «Взгляните на команду корабля! — сказал он. — Вот одни матросы

расселись по лодкам, другие поднимают и закрепляют якоря, следующие подставляют ветру паруса, остальные снова осматривают нос и корму. Но если хотя бы один из них не выполнит свои обязанности вовремя или будет плохо справляться с морским ремеслом, то их плавание будет неудачным, а между ними начнутся раздоры. Если же они будут соперничать только в том, чтобы не оказаться хуже товарищей, то такой корабль ждут хорошие гавани, хорошая погода и хорошее плавание» (IV, 9).

Как-то раз на Родосе Дамис спросил Аполлония: существует ли что-нибудь более величественное, чем знаменитый Колосс. «Да, — ответил Аполлоний. — Человек, который бродит по бесконечным тропам мудрости, что дарят нам здоровье» (V, 21).

Приводится также много случаев, когда наш философ отвечал остроумно, с доброй иронией. И в самом деле, несмотря на свое обычно серьезное настроение, Аполлоний нередко подшучивал над своими

слушателями, а порою даже намекал им на их глупость (см. особенно IV, 30).

С такой особенностью своего характера философ не расстаётся даже в минуты величайшей опасности. Показательный пример тому — его ответ на опасный вопрос Тигеллия: «Что ты думаешь о Нероне». — «Я думаю о нём лучше, чем ты, — парировал Аполлоний. — Ибо ты думаешь, что ему нужно петь, а я думаю, что ему следует молчать» (IV, 44).

В следующем замечании в адрес одного богатого юноши Аполлоний проявляет столько же остроумия, сколько и мудрости: «Молодой господин, — сказал Аполлоний, — мне кажется, что не ты владеешь своим домом, а он тобой» (V, 22).

В том же стиле выдержан и его ответ одному ненасытному любителю поесть, хваставшемуся своим обжорством. Тот говорил, что подражает Геркулесу, который известен как своими подвигами, так добротной трапезой.

«Да, — сказал Аполлоний, — но он был Геркулес. А какие достоинства есть у

тебя? Ты можешь похвастаться только возможностью лопнуть» (IV, 23).

Перейдем к более серьезным примерам? В ответ на искреннюю просьбу Веспасиана: «Научи меня, что следует делать хорошему царю», — Аполлоний ответил примерно следующими словами: «Ты спрашиваешь меня о том, чему нельзя научить. Ибо царский сан — это величайшая ступень, доступная смертному; этому нельзя научиться. Но я все же расскажу о том, что ты должен делать хорошо, если делаешь это. Не подсчитывай накопившееся богатство, — чем оно лучше кучи песка? И богатство, полученное от людей, стонущих под бременем налогов, — ибо золото, полученное из слез, низменное и черное. Ты используешь богатство лучше любого царя, если поможешь нуждающимся и убережешь их деньги от богатых. Не пользуйся властью, чтобы выполнять любое свое желание, но пользуйся ею с большим благоразумием. Не срубай кукурузные початки, выросшие выше остальных и поднимающие головы, — ибо Аристотель в этом

не прав¹, — но выпалывай их недовольство, как плевелы из кукурузы, и вселяй страх в зачинщиков беспорядков, говоря не “я накажу тебя”, но “я непременно сделаю так”. Подчиняйся закону, о, государь, ибо будет гораздо мудрее, если ты сам не будешь презирать закон. Оказывай почтение богам больше, чем когда-либо; велики дары, которые ты получил от них, и потому молись о великом². В государственных делах действуй как царь; а в том, что касается тебя самого, действуй как частное лицо» (V, 36).

В подобных высказываниях философа — добрые советы и проявление хорошего знания человеческих бытия. И если мы собираемся предположить, что это лишь упражнения Филострата в красноречии, не основанные на действительных словах Аполлония, то дадим автору более высокую оценку, чем то позволяют остальные его сочинения.

¹ См. критику этого заявления у Шассаня, с. 458.

² Это происходило до того, как Веспасиан стал императором.

Чрезвычайно интересен диалог между Теспесионом, настоятелем общины гимнософистов, и Аполлонием, когда они сравнивают, кто достойнее изображал богов: греки или египтяне. Он звучит примерно так:

«И что же? — спрашивает Теспесион. — Следует ли нам думать, что Фидий и Пракситель поднялись на небо, получили представление об обликах богов и так создали свои произведения, или же что-то еще подтолкнуло их к ваянию?»

«Да, что-то еще, — сказал Аполлоний. — Что-то еще, богатое мудростью».

«Что же это было? Ты же не скажешь, что другое? Кроме копирования?»

«В них играло воображение — мастер куда более мудрый, чем копирование. Ибо копирование создает только то, что увидено, в то время как воображение создает то, что люди никогда не видели, создавая при этом вещь такой, какова она есть на самом деле».

Воображение, говорит Аполлоний, — это один из самых могущественных даров, так

как оно позволяет нам стать ближе к реальности. К примеру, многие считают, что греческая скульптура была лишь восхвалением черт лица и формы тела, пустым восхвалением физического, не имеющим ничего общего с проникновением в суть вещей. Но Аполлоний заявлял, что скульптура помогает нам приблизиться к реальности, как до него говорили Пифагор и Платон и как учат все мудрецы. Философ полагал, что образы и представления являются единственной реальностью. Иными словами, Аполлоний хотел объяснить, что между несовершенством земного бытия и высшим божественным эталоном находятся определенные ступени совершенства. Он хотел сказать, что в каждом человеке заключена форма этого совершенства, хотя, конечно, эта форма относительная. Ангел внутри человека, его демон, обладал божественной красотой — воплощением лучших черт лица, которые человек имел за свои многие земные жизни. Боги тоже принадлежали к миру образов, моделей совершенствования — к небесному миру. Греческим скульпторам

удалось вступить в контакт с этим миром благодаря дару воображения.

Идеализация формы была способом, подобающим изображению богов; но, говорил Аполлоний, если вы устанавливаете в храмах ястреба, сову или собаку как символы Гермеса, Афины или Аполлона, то тем самым, облагораживая животных, вы лишаете богов достоинства.

На это Теспесион отвечал, что египтяне не осмеливаются придавать изображениям богов какую-нибудь определенную форму, — они используют лишь символы, имеющие оккультное значение.

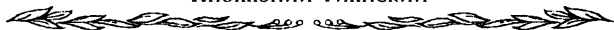
Да, продолжал Аполлоний, но опасность состоит в том, что простые люди поклоняются этим символам и получают неверные представления о богах. Лучше всего было бы вообще никак их не изображать. Ибо сознание молящегося может создать для него самого образ поклонения гораздо лучше, чем любое искусство.

Конечно, это так, согласился Теспесион, а затем лукаво добавил: жил как-то один старый афинянин, в общем-то, не глу-

пый, по имени Сократ — он клялся собакой и гусем, словно они были богами.

Конечно, ответил Аполлоний, он был не глупый. Он клялся собакой и гусем не как богами, но для того, чтобы не клясться ими (IV, 19).

Этот «поединок» египтян с греками — превосходный образец остроумия. Но, вероятно, подобные заранее подготовленные аргументы являются риторическими упражнениями Филострата, а не словами Аполлония, который учил людей как «имеющий авторитет», словно «из треножника». Аполлоний, жрец универсальной религии, мог отмечать как хорошие, так и спорные стороны греческого и египетского искусства воплощения богов. Что же касается самой религии, то, без сомнения, он учил высшему способу поклонения — без всяких символов, — но философ никогда бы не стал противопоставлять один народный культ другому. В приведенной выше речи откровенно звучит предубеждение против Египта и восхваление Греции. Такую ярко выраженную позицию мы находим и

в других речах. Да, Филострат защищал Грецию от всего чуждого, но Аполлоний, мы уверены, был мудрее своего биографа.

Несмотря на искусственный литературный покров, окутывающий многие высказывания Аполлония, в них содержится много благородных мыслей. Следующий фрагмент — отрывок из беседы философа с его другом Деметрием, который пытался отговорить Аполлония от прямого столкновения с Домицианом в Риме.

Аполлоний говорил, что закон обязывает нас умирать за свободу, а природа обязывает нас умирать за наших родителей, друзей и детей. Все люди связаны этими обязанностями. Но на мудреца возложена более высокая миссия — он должен умереть за своих учеников, за истину, которой дорожит больше жизни. Его заставляют это делать не закон и не природа, а сила и достоинство его собственной души. Пусть ему угрожают огнем или мечом, это не победит его решимости и не толкнет его даже на малейшую фальшь. Он будет хранить тайны жизней других людей, а также тай-

ны религиозного посвящения, доверенные его чести. «Да, я знаю больше других людей; ибо знаю, что из моего знания что-то служит добру, что-то — мудрости, что-то — мне самому, что-то — богам и ничего — тиранам. Опять-таки, я думаю, что мудрый человек ничего не делает в одиночку; у него нет ни одной тайной мысли, ибо он сам является ее свидетелем. И пусть знаменитое высказывание «познай себя» принадлежит Аполлону или другому мудрецу, научившемуся узнавать себя, я считаю, что мудрый человек, знающий себя и всегда находящийся в ладах со своим духом, своим главным помощником в битвах, никогда не проявит раболепного страха и не осмелится на то, что большинство людей делает без малейшего стыда» (VII, 15).

В приведенном выше отрывке мы видим философское презрение к смерти, а также спокойную уверенность посвященного, утешителя и советчика, которому доверены тайны жизни других людей и которого никакие муки не заставят разомкнуть уста.

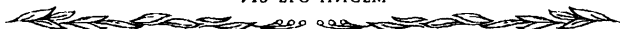

• ЧАСТЬ XVI •

ИЗ ЕГО ПИСЕМ

Аполлоний написал много писем императорам, царям, философам, в различные общины и государственные структуры, но это ни в коем случае не была «обширная переписка»: стиль его коротких записок чрезвычайно сжат, и составлены они были, как говорит Филострат, «по образцу лакедемонийского скитала»¹ (IV, 27; VII, 35).

¹ Скитал — палка, или жезл, использовавшаяся как шифр для написания депеш. «Вокруг нее наискось наматывалась полоска кожи с написанными в длину депешами — так, чтобы в неразвернутом виде они были непонятны. Военачальники повсюду имели жезлы сходной толщины, наматывая на которые свои бумаги, они могли прочесть

Очевидно, что Филострат имел доступ к письмам, приписываемым Аполлонию, так как цитирует целый ряд их², и у нас нет никаких причин сомневаться в их подлинности. Откуда он взял эти письма, Филострат нам не сообщает, — скорее всего они были из коллекции Гадриана в Антиуме (VIII, 28).

Чтобы читатель мог оценить стиль Аполлония, мы приводим несколько образцов писем или, скорее, заметок, ибо они слишком коротки, чтобы получить звание «послания». Вот письмо членам городского правления Спарты:

«Аполлоний — эфорам, приветствую! Люди могут не совершать ошибок, но благородные люди должны уметь признавать, что они их совершили».

сообщения» («Лексикон» Лидделла и Скотта). Здесь под «скиталом» имеется в виду спартанская депеша, которая отличалась своей лаконичностью и краткостью.

² См. I, 7, 15, 24, 32; III, 51; IV, 5, 22, 26, 27, 46; V, 2, 10, 39, 40, 41; VI, 18, 27, 29, 31, 33; VIII, 7, 20, 27, 28.

Во всех своих письмах Аполлоний использует в два раза меньше слов, чем обычный грек. А вот — обмен записками между двумя величайшими философами того времени, которые оба были брошены в тюрьму и находились перед угрозой смерти.

«Аполлоний — философу
Музонию, приветствую!

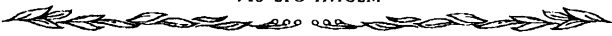
Я хочу приехать к тебе, делить с тобой беседу и кров, быть тебе полезным. Если ты все еще веришь, что Геркулес когда-то спас Тесея из Аида, то напиши, чего бы тебе хотелось. Прощай!»

«Музоний — философу
Аполлонию, приветствую!

За добрые мысли тебя ждут добрые заслуги. А у меня в запасе — человек, ожидающий суда и доказывающий свою невиновность. Прощай».

«Аполлоний —
Музонию, приветствую!

Сократ отказался выйти из тюрьмы с помощью своих друзей и предстал перед судьями. Он был осужден на смерть. Прощай».

«Музоний — философу
Аполлонию, приветствую!

Сократ был приговорен к смерти, потому что не подготовился к своей защите. А я это сделаю. Прощай!»

Стоик Музоний был послан Нероном на каторжные работы.

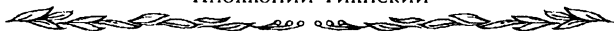
А вот послание кинику Деметрию, еще одному из наиболее преданных друзей нашего философа.

«Философ Аполлоний —
собаке¹ Деметрию, приветствую!

Я поручаю тебе обучать императора Тита искусству правления, а ты, в свою очередь, позволь мне говорить ему правду; и вызывай в нем все, что угодно, кроме гнева. Прощай!»

Кроме записок, цитируемых в тексте Филострата, существует и собрание из девяноста пяти писем, в основном коротких записок, тексты которых приводятся во

¹ То есть кинику.

многих изданиях¹. Почти все критики считают, что они не подлинные, однако Джоуэтт² и другие полагают, что некоторые из писем вполне могут быть подлинными.

Вот пара примеров таких писем. Аполлоний пишет Эвфрату, своему злейшему врагу, который противопоставлял чисто рационалистическую этику науке о священном:

17. «Персы называют тех, кто обладает божественным даром (или подобен богам) магами. Следовательно, маг — это служитель богов, наделенный от рождения божественными способностями. Ты же — не маг, но отрицаешь богов (т.е. являешься атеистом)».

А в письме, адресованном Критону, мы читаем:

23. «Пифагор говорил, что самое божественное из искусств — это лечение. А если искусство врачевания самое божественное, то оно должно заниматься как телом, так и ду-

¹ Шассань (с. 395 и далее) дает их французский перевод.

² Статья «Аполлоний» в «Словаре классических биографий» Смита.

шой; ибо ни одно существо не может быть здоровым, пока больна его высшая часть».

Выступая в письме к дельфийским жрецам против практики кровавых жертвоприношений, он говорит:

«Гераклит был мудрецом, но даже он¹ никогда не советовал народу Эфеса смывать грязь грязью²».

Тем же, кто провозглашал себя его учениками и «считал себя мудрецами», он пишет в порицание:

43. «Если кто-то говорит, что он мой ученик, то пусть он добавит, что воздерживается от посещения бань, не убивает живых существ, не ест мяса, свободен от зависти, злобы, клеветы и враждебных чувств, а его имя вписано среди тех, кто завоевал свою свободу».

Среди этих писем есть одно довольно длинное, адресованное Валерию, вероятно,

¹ То есть философ, живший 600 лет назад.

² То есть искупать вину в пролитии крови кровавым жертвоприношением.

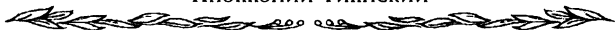
Валерию Азиатскому, бывшему консулом в 70 г. В этом мудром письме содержится философское утешение, которое должно было помочь Валерию вынести тяжесть утраты сына¹:

«Смерти нет — только ее видимость, и нет даже рождения, кроме кажущегося. Переход из бытия к становлению кажется рождением, а переход из становления к бытию кажется смертью, но на самом деле никто никогда не рождается и никто никогда не умирает. Это просто переход из видимого бытия в невидимое. Первое происходит благодаря плотности материи, а второе — из-за тонкости бытия — бытия, которое всегда то же самое, а единственная случающаяся с ним перемена — это движение и покой. Ибо бытие имеет такую неперменную особенность, что его изменения не могут вызываться никакими внешними причинами, но целое становится ча-

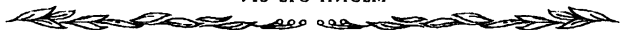
¹ А.Э.Шенье в своем сочинении «Пифагор и пифагорейская философия» (Париж, 1873; 2-е изд. 1874) приводит его как настоящий пример философии Аполлония.

стями, а части — целым во всеобщем единении. А если спросят: что это такое, что порою видимо, а порою — невидимо, что сейчас — одно, а потом — другое? — то на это можно ответить: таким образом — все здесь, в земном мире, когда наполнено материей, видимо благодаря сопротивлению ее плотности и невидимо, когда лишено материи благодаря ее тонкости. Хотя материя по-прежнему все окружает и протекает через все в той безмерности пространства, которое находится вокруг нас, но не знает ни рождения, ни смерти.

Но почему это ложное представление [о рождении и смерти] так долго остается без опровержения? Некоторые думают, что случившееся с ними они вызвали сами. Они отрицают то, что человек рождается с помощью родителей, а не родителями, подобно тому, как что-либо производится с помощью земли, а не из нее. Перемена, происходящая с человеком, вызывается не его видимым окружением — это перемена в той самой вещи, которая есть в каждом человеке.

И какое нам дать ей название, как не изначальное бытие? Это именно оно действует и страдает, становясь всем для всех через все, вечное божество, лишаемое самой своей сути именами и формами. Но это менее серьезно, чем то, что следует скорбеть о человеке, когда он перешел от человека к Богу, изменив состояние, а не разрушив свою природу. Ты должен вовсе не оплакивать смерть, но уважать и почитать ее. А самый лучший и подходящий для тебя сейчас способ оказать почтение смерти — это оставить того, кто ушел к Богу, и заняться своей работой — править теми, кто оставлен тебе на попечение, как ты обычно это делаешь. Было бы бесчестьем для такого человека, как ты, предоставить излечение времени, а не разуму, ибо время избавляет от скорби даже простых людей. Сильная власть — великая вещь, а из величайших правителей лучший тот, кто умеет управлять собой. И допустимо ли желать изменения того, что произошло по воле Бога? Если в природе существует закон,

а он существует, и если он установлен Богом, то праведный человек не будет пытаться изменять добрые события, ибо такое желание эгоистично, и противостоять закону, но будет думать о том, что все происходящее — хорошо. Давай же! Исцели себя, будь справедлив к несчастным и утешай их — так ты высушишь свои слезы. Ты не должен ставить свои личные несчастья выше твоих общественных забот — наоборот, ставь общественные заботы выше личного горя. И посмотри, какое утешение уже есть у тебя! Народ скорбит вместе с тобой о твоём сыне. Так отблагодари же немного тех, кто рыдает вместе с тобой; а сделаешь ты это гораздо быстрее, если избавишься от слез и не будешь упорствовать. Разве у тебя нет друзей? И у тебя есть ещё один сын. И разве нет у тебя того сына, который ушел от нас? Есть! — ответит любой действительно думающий человек. Ибо «то, что есть» не исчезает, более того, существует, хотя бы потому, что должно появиться. А что касается

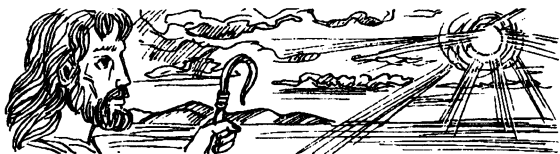
“не существует”, то как такое может быть, если “существует” никогда не исчезает?

Опять-таки могут сказать, что ты непочтителен к Богу и несправедлив. Это правда. Ты непочтителен к Богу, ты несправедлив к своему мальчику; более того, ты непочтителен и к нему. Ты хотел бы узнать, что такое смерть? Тогда умертви меня и отправь в обществе смерти, и если ты не сменишь одеяние, которое накинул на нее¹, то ты тут же сделаешь меня лучше, чем ты сам»².

¹ То есть свое представление о смерти.

² Смысл последнего предложения очень неясен.

• ЧАСТЬ XVII •

СОЧИНЕНИЯ АПОЛЛОНИЯ

Кроме этих писем, Аполлоний написал также ряд трактатов, из которых, правда, сохранилась лишь пара фрагментов.

Вот эти сочинения:

а) «Мистические обряды», или «О жертвоприношениях»¹. Об этом сочинении упоминает Филострат (III, 41; IV, 19), рассказывая нам, что в нем устанавливаются правильные методы жертвоприношения каждому богу, правильные часы для молит-

¹ Полное название приводится в: Eudocia, Ionia; ed. Villosion (Venet., 1781), p. 57.

вы и жертвоприношения. Этот труд находился в широком обращении, и Филострат встречал его во многих храмах и городах, а также в библиотеках философов. Сохранились некоторые его фрагменты¹, наиболее важный из которых приводится Евсевием² и имеет следующий смысл:

«Лучше всего вообще не приносить Богу жертв, не зажигать огня и не называть Его никаким из тех имен, что используют люди в таких случаях. Ибо Бог выше всех, первый; и только после Него идут другие боги. Так как Ему ничего не нужно даже от богов, то еще меньше ему нужно от нас, маленьких людей, — ничего из того, что дает земля, ни одна из порождаемых ею жизней, и даже ничего из того, что содержится в чистом воздухе. Единственное, что подобает жертвовать Богу, — это крепкий разум человека, а не слово³, ис-

¹ См.: Zeller, Phil. d. Griech, v. 127.

² Praeparat Evangel., IV, 12-13, ed. Dindorf (Leipzig, 1867), I, 176, 177.

³ Обыгрываются значения слова *logos* — «разум» и «слово».

ходящее из его уст. Нам, людям, следует просить о хорошем лучших из существ с помощью лучшего внутри нас, то есть с помощью разума, ибо разуму не нужно ничего материального для молитвы. Так что для Бога, Всемогущего, никогда не следует зажигать жертвенный огонь».

Ноук¹ рассказывает нам, что ученые уверены в подлинности этого фрагмента. Эта книга, как мы видели, была широко распространена, и к ней относились с высочайшим почтением. Говорят, что правила из нее были выгравированы на бронзовых колоннах в Византии².

б) «Оракулы», или «О предсказании», в четырех книгах. Филострат (III, 41) полагал, что полное название было «Предсказание по звездам», и сообщает, что трактат был основан на том, чему Аполлоний научился в Индии, но предсказание, о ко-

¹ Psyche, I, ii.5.

² Noack, Porphr. Vit. Pythag.

тором писал Аполлоний, было не обычной астрологией, а чем-то еще, что Филострат считает выше обычного человеческого опыта в таких вещах. Правда, он никогда не слышал, чтобы у кого-нибудь была копия этой редкой работы.

в) «Жизнь Пифагора». На это сочинение ссылается Порфирий¹, а Ямвлих цитирует длинный отрывок из него².

г) «Завещание Аполлония», которое мы уже упоминали при рассмотрении источников Филострата (I, 3). Оно было написано на ионическом диалекте и содержало краткое изложение доктрин Аполлония. Ему также приписывают «Гимн памяти», а Евдокия говорит о многих других (*καὶ ἄλλα πολλά*) сочинениях.

Что ж, теперь мы сообщили читателю всю имеющуюся информацию, касающуюся нашего философа. Так кто же был

⁴ См.: Noack, Porphr. Vit. Pythag., p. 15.

⁵ Изд. Амстелод, 1707, 254-264 с.

Аполлоний — мошенник, обманщик, шарлатан, фанатик, заблуждающийся энтузиаст или же философ, реформатор, сознательный труженик, истинный посвященный, один из величайших людей планеты? Это каждый должен решить для себя сам, полагаясь на свое знание или свое незнание.

Я, со своей стороны, благословляю его память, и с радостью учился бы у него, будь он сейчас жив.

[illegible]

Римский мир при Аполлонии Тианском

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	<i>7</i>
<i>Часть I.</i>	
<i>ВВЕДЕНИЕ</i>	<i>11</i>
<i>Часть II.</i>	
<i>РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ОБЩИНЫ ПЕРВОГО СТОЛЕТИЯ</i>	<i>21</i>
<i>Часть III.</i>	
<i>Индия и Греция</i>	<i>32</i>
<i>Часть IV.</i>	
<i>ПРЕЖНИЕ МНЕНИЯ ОБ АПОЛЛОНИИ</i>	<i>46</i>
<i>Часть V.</i>	
<i>ТЕКСТЫ, ПЕРЕВОДЫ И ЛИТЕРАТУРА</i>	<i>65</i>
<i>Часть VI.</i>	
<i>БИОГРАФ АПОЛЛОНИЯ</i>	<i>80</i>
<i>Часть VII.</i>	
<i>МОЛОДОСТЬ</i>	<i>95</i>

Часть VIII.	
Путешествия Аполлония	106
Часть IX.	
В святилищах храмов и прибежищах религии	118
Часть X.	
Гимнософисты Верхнего Египта	140
Часть XI.	
Аполлоний и правители Римской империи	149
Часть XII.	
Аполлоний — пророк и чудотворец	154
Часть XIII.	
Образ жизни философа	166
Часть XIV.	
Философ и его окружение	175
Часть XV.	
Из высказываний и проповедей философа	183
Часть XVI.	
Из его писем	200
Часть XVII.	
Сочинения Аполлония	211
Приложение	216

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СФЕРА»

***Широкий круг изданий
по эзотерической философии,
религиоведению, оккультизму,
сакральному искусству,
а также художественная литература
и поэзия мистического направления***

Издательство основано в 1992. С 2000 года представляет действующий проект **ФОНДА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ МИРА**, являющегося союзом научной и творческой общественности, объединяющейся для проведения научно-исследовательской работы и культурно-просветительской деятельности.

Цели и задачи:

Всестороннее изучение эзотерических традиций в духовной культуре человечества, включая:

- мифологию древнейших культур,
- мистериальные традиции прежде и ныне,
- эзотерические течения и мистическое богословие в русле мировых религий,
- доктрины эзотерических братств и орденов,
- оккультные науки древности,
- эзотерическую философию различных течений и школ,
- мистические практики различного толка,
- мистические течения в литературе и искусстве,
- исследования в естествознании и психологии, проводимые в областях, традиционно лежащих в сфере эзотеризма.

**ОТДЕЛ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ**

**ПОСТОЯННО В
АССОРТИМЕНТЕ**

**ЛИТЕРАТУРА КАК НАШЕГО,
ТАК И ДРУГИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ**

**Работает служба
«Книга почтой»**

*Прислав конверт со своим адресом
и почтовыми марками, вы получите
каталог и условия рассылки*

Почтовый адрес:

123022, Россия, г.Москва, а/я 9.

Адрес в г.Москве:

ул.Трехгорный вал, 2-49

тел.: (095) 205-23-78

факс: (095) 205-22-28

E-mail: idl@idli.ru

**Дополнительные сведения
об издательстве и текущую информацию
по вопросам приобретения книг
Вы можете получить в сети Интернет
www.idli.ru**

ОТДЕЛ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ

ПОСТОЯННО В
АССОРТИМЕНТЕ
ШИРОКИЙ ВЫБОР ЛИТЕРАТУРЫ
КАК НАШЕГО,
ТАК И ДРУГИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Эзотерическая философия
Источники
Религиоведение
Оккультизм
Сакральное искусство
Художественная литература
Мистическая поэзия

Адрес: г.Москва, Новодевичий пр-д, 10,
помещение Библиотеки № 27

Справки по телефонам: 205-23-78 и 247-11-14.

*Проезд до ст. м. «Спортивная»,
выход к Новодевичьему монастырю, далее
пешком по ул.Десятилетия Октября в сторону
набережной.*

**«БИБЛИОМИР»
КНИГА-ПОЧТОЙ
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

*К ВАШИМ УСЛУГАМ ШИРОКИЙ АССОРТИМЕНТ
ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ,
ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ ДУХОВНУЮ КУЛЬТУРУ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ВО ВСЕМ ЕЕ МНОГООБРАЗИИ*

**1. ДРЕВНЕЙШИЕ
ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИИ**

**2. МИРОВЫЕ ТРАДИЦИОННЫЕ
И ПРОРОЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ**

**3. ЭЗОТЕРИКА И ДУХОВНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

4. НАУКА

5. ИСКУССТВО

**6. ДУХОВНО-МИСТИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

WWW.BIBLIOMIR.RU

РАССЫЛКА В ЛЮБУЮ ТОЧКУ ПЛАНЕТЫ

Дж.Р.С.Мид
АПОЛЛОНИЙ ТИАНСКИЙ

Редакторы

Е.В.Краснова

Е.А.Логаева

Корректоры

Н.В.Рубецкая

И.Л.Мурадова

Технический редактор

И.В.Орлова

Подписано в печать 26.08.2001

Формат 70х90¹/₃₂. Гарнитура «Академия»

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Зак.А-509. Тир. 3000.

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-00-93,
том 2, 953000 — книги, брошюры.

ИД № 01466 от 10.04.2000

ИДЛи

123022, г. Москва, а/я 9

тел.: (095) 205-23-78

E-mail: idli@idli.ru

Отпечатано с диапозитивов в типографии

ГУП ПИК «Идел-Пресс»

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

ISBN 5-93975-039-7

9 785939 750394